ТЭМИ ХОУГ
ЧАС РАСПЛАТЫ
ОНА ЕГО НАЙДЕТ. РАНО ИЛИ ПОЗДНО...
Ключи семейного досуга

Тэми Хоуг

Час расплаты

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Хоуг Т.

Час расплаты / Т. Хоуг — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

Старшая дочь Лорен Лоутон исчезла несколько лет назад, а муж покончил жизнь самоубийством. Теперь Лорен не может избавиться от страха за младшую дочь Лию – ее опасения подтверждаются: в каталоге местного фотографа Роланда, ранее обвинявшегося в педофилии, есть фото Лии… Полиция бездействует, и женщина сама начинает преследовать маньяка, не осознавая, что подвергает риску не только себя, но и дочь…

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Хоуг Т., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

Содержание

Тами Хоа 5
От автора 6
1 7
2 15
3 20
4 24
5 29
6 34
7 41
8 44
9 47
10 49
11 55
12 60
13 63
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Тами Хоа
Час расплаты

Публикуется при содействии The Andrew Nurnberg Literary Agency

Переведено по изданию:
Hoag T. Down the Darkest Road: A Novel / Tami Hoag. – New York: Dutton, 2012. – 448 p.

© Indelible Ink, Inc., 2012
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013

* * *

Посвящается выжившим

Электронные адреса центров помощи выжившим жертвам преступлений:

Национальный центр помощи жертвам преступлений
www.ncvc.org

Национальная организация родителей погибших детей
www.pomc.com

Национальный центр помощи пропавшим детям, а также детям, подвергнувшимся насилию или эксплуатации
www.missingkids.com

От автора

В 1990 году президентом Соединенных Штатов был Джордж Г. У. Буш. Это был последний год «холодной войны» и год, в котором вспыхнула Первая война в Персидском заливе. Восточная и Западная Германии пока еще не стали единым государством. «Шофер мисс Дэйзи» получил «Оскар» в номинации «Лучший фильм».

В 1990 году до создания Всемирной паутины оставалось еще два года. Широкий доступ к электронной почте также был вопросом ближайшего будущего. Соучредитель Фейсбука Марк Цукерберг еще не вышел из детсадовского возраста. К мобильным телефонам относились скорее как к любопытной новинке, а не как к чему-то полезному.

В области судопроизводства анализ ДНК становился все более надежным, но пройдет немало лет, прежде чем появятся технологии, доступные в наше время. Сегодня мельчайших частичек генетического материала достаточно, чтобы установить ДНК преступника или жертвы. Сейчас появилась возможность выращивать генетический материал, в то время как в 1990 году работа с крошечным образцом была сопряжена с риском его полного уничтожения без гарантированного получения каких-либо результатов.

В 1990 году Программа по задержанию лиц, совершивших насильственные преступления (ПЗЛСНП), первоначально рассчитанная на поиски перемещающихся с места на место серийных убийц, пересекающих границы юрисдикции, хотя и начала расширяться, вовлекая в себя случаи похищения и сексуального насилия, но все еще, к сожалению, относилась исключительно к компетенции ФБР. В наши дни базы данных ПЗЛСНП доступны представителям всех органов правопорядка, что намного облегчает поиск связи между однотипными – серийными – преступлениями.

Когда несколько лет назад я приступила к написанию «Deeper Than the Dead» («Мертвее мертвого»), то не имела ни малейшего намерения создавать серию книг, описывающих прогресс современной науки и последние достижения судебной медицины в период с 1985 года. Будучи «королевой сиюминутного напряжения внимания», я имею склонность терять интерес к персонажам моих книг прежде, чем дописана последняя глава. Как бы там ни было, а «Час расплаты» будет третьей книгой, в которой фигурируют одни и те же герои из Оук-Кнолл, штат Калифорния. Они стали для меня почти старыми друзьями. Я и впредь собираюсь время от времени навещать их, по крайней мере до тех пор, пока они не обзаведутся мобильными телефонами и не смогут внести меня в список своих друзей в Фейсбуке.

1

Когда-то давным#давно у меня была идеальная семья. У меня был идеальный муж – красивый, любящий, успешный… У меня были идеальные дети – Лесли и Лия, красивые, миленькие, замечательные девочки. Я жила идеальной жизнью в идеальном доме, стоящем в идеальной местности. Да, мы были одной из тех милых до тошноты семей, у членов которых даже имена начинаются с одной буквы – Ланс, Лорен, Лесли и Лия. Лоутоны из Санта-Барбары, штат Калифорния.

А затем, как это обычно бывает в сказках, пришло зло и разрушило нашу идеальную жизнь.

Я вспоминаю Лесли, которая, будучи маленькой, очень любила, когда ей читали вслух. Предпочтение отдавалось сказкам. Это ведь очевидно! Наши собственные родители тоже читали нам в детстве сказки. Я помню, что книжки были ярко иллюстрированы, а описанные в них истории заканчивались исключительно счастливо. Но сказки – это отнюдь не милые безделицы. Они только кажутся нам славными и безобидными. На самом деле сказки являются мрачными повествованиями, в которых описываются всевозможные преступления, убийства, злоупотребления, насилие и надругательства.

Золушку в качестве узницы держат в собственном доме и обращаются с ней так, словно она рабыня. После смерти отца девушка подвергается физическому и психологическому издевательству со стороны мачехи и сводных сестер.

Склонная к садизму маньячка насильно держит Гензеля и Гретель в дремучем лесу, пугая брата и сестру тем, что в ближайшем будущем она собирается зажарить их живьем, а потом устроить пир каннибализма.

Красная Шапочка идет в лес повидаться с престарелой бабушкой, но потом выясняется, что дикий зверь-изувер сожрал ее живьем.

Таковы сказки.

Моя собственная история похожа на них.

Лесли была… есть… Старшенькая. Упрямая и милая девочка. Маленькая мятежница. Она любила танцевать. Она обожала музыку.

Лесли любит музыку.

Кто бы мог подумать, что выбор грамматических форм может превратиться для человека в пытку? Прошлое время или настоящее? Для большинства людей выбор времени глагола – сущая безделица, а вот меня необходимость сделать этот выбор может довести до слез, до грани душевного изнеможения, до края, за которым – самоубийство.

Лесли была… Лесли есть… Разница для меня заключается в жизни или смерти дочери.

Лесли – жива.

Она была моей дочерью.

Она пропала 28 мая 1986 года. С тех пор прошло четыре года. Никто ее не видел. Никто о ней ничего не слышал. Я не знаю, жива ли она… Была она или есть…

Если я остановлю свой выбор на прошедшем времени, то это будет означать, что я смирилась с ее смертью. Если я предпочту настоящее время, то тем самым обреку себя на бесконечные пытки надеждой.

Я живу в преддверии ада. Жить здесь очень тяжело. Я все отдала бы за возможность уехать отсюда или по меньшей мере забыть об аде в моей душе.

Мне просто необходимо забытье, какой-никакой катарсис, чтобы очистить то нагромождение токсических отходов, что остались после постигшего меня горя. Мысль о катарсисе вызвала к жизни искру, которая побудила меня начать писать эту книгу. Что, если поделиться своим жизненным опытом с миром? А вдруг это обезопасит яд, которым

пропитаны мои воспоминания? Это все равно что бросить спасательный трос утопающему в бурлящих водах паводка.

Впрочем, как бы ни был крепок брошенный мне спасательный трос, я все равно не смогу выбраться на сушу. Я – мать без вести пропавшего ребенка.

*** * ***

Работа вымотала Лорен до предела. На написание трех страниц ей понадобилось шесть часов. Иногда ей казалось, что каждое слово приходится силком вытаскивать из вязкой черной смолы собственных чувств. У женщины было такое ощущение, будто она пробежала марафон, после которого хочется побыстрее сбросить с себя пропитанную потом одежду и смыть под душем дорожную пыль. Она сохранила написанное на дискете, а затем выключила компьютер.

Лорен и ее младшая дочь Лия переехали в Оук-Кнолл чуть больше месяца назад. Как же много времени отняла у нее борьба с собой! Вечные отсрочки того момента, когда надо будет усесться перед компьютером… До сих пор одна часть Лорен то и дело поднимала панику, неистово крича о том, что еще слишком рано, что она не готова. Каждый день Лорен представлял собой борьбу не на жизнь, а на смерть между потребностью жить дальше и страхом перемен, между жалостью к самой себе и отвращением, вызванным в ней этой жалостью.

Отъезд из Санта-Барбары был продиктован острой необходимостью удалиться – как в прямом, так и в переносном смысле этого слова – от места преступления. Ей казалось, что на расстоянии она сможет взглянуть на происшедшее чуть отстраненно. Кроме того, Лорен надеялась, что, написав в книге о случившемся, она если не обретет душевное спокойствие, то по меньшей мере смягчит свои страдания, сумеет принять то, что произошло, и наконец-то смирится с ним. Покой… Умиротворение… Эти слова не подходят. Не стоит на многое рассчитывать.

Бампер и Сиси Бристоль, старые друзья из Санта-Барбары, полностью одобрили ее решение с переездом и книгой. Именно они предложили Лорен пожить какое-то время в принадлежащем им доме в Оук-Кнолле.

Семья Бристолей являлась в каком-то смысле частью семейства Лоутон. Для Ланса и Лорен они были почти что старшими братом и сестрой, а их девочки относились к друзьям родителей так, словно они их родные бабушка и дедушка. Каждое Рождество Бампер становился Санта-Клаусом, а в другое время года выступал в роли судьи во время спортивных соревнований, в которых принимали участие девочки. Сиси исполняла роль хорошо разбирающейся в моде крестной матери и с удовольствием ездила с ними по магазинам, а также много чего рассказывала о маникюре и педикюре.

На самом деле Бампера звали Бобом. Свое прозвище он получил много лет назад из#за агрессивной манеры игры в поло. Именно там, на поле для игры в поло, Ланс и Боб, встретившись, подружились, несмотря на двенадцать лет разницы в возрасте. Они вращались в одних и тех же социальных кругах. Бампер работал в сфере финансов, а Ланс был архитектором. За долгие годы они приобрели общих клиентов и знакомых. Сиси владела антикварным магазинчиком на Лили-авеню в Саммерленде, на юге Монтесито. Лорен, будучи дизайнером, работала сама на себя.

В 1984 году Ланс взялся за проект перестройки принадлежащего Бристолям дома в Оук-Кнолле, куда хозяева изредка приезжали, желая сменить обстановку. Лорен иногда подшучивала над друзьями. Шутки не прекращались даже тогда, когда она вместе с Сиси обсуждала детали нового интерьера. «Вы живете в раю. Какой смысл ехать куда-то отсюда?»

Красивый, словно сошедший с почтовой открытки город Санта-Барбара стоит на берегу Тихого океана, на фоне далеких гор. Знаменитости запросто разгуливают по его

улицам, обедают в модных ресторанах, покупают себе особняки на околицах Монтесито. Каждое лето сюда валят толпы туристов. Здесь никогда не соскучишься. В Санта-Барбаре процветает искусство. Это город концертов и фестивалей.

Лорен обожала Санта-Барбару. Тут она провела все двадцать лет своей замужней жизни. Муж родился и вырос в этом городе. Здесь родились их девочки. Лоутоны вели активную общественную жизнь, а их дети хорошо зарекомендовали себя в школе.

Лесли похитили в Санта-Барбаре.

Ланс погиб на горной дороге, идущей к северу от города, спустя два года после похищения.

Лорен не могла спокойно пойти в супермаркет, ибо каждый раз становилась объектом всеобщего внимания и пересудов. В тщетной попытке поддержать в людях интерес к пропавшей дочери женщина то и дело появлялась на экране телевизора, ее имя часто мелькало в газетных публикациях. Так продолжалось год за годом. Владельцы всех магазинов в городе хорошо знали Лорен Лоутон. Она приходила к ним с очередными плакатами и листовками, на которых было написано:

ПРОПАЛА

ПОХИЩЕНА

ВИДЕЛИ ЛИ ВЫ ЭТУ ДЕВОЧКУ?

В ее присутствии люди чувствовали себя неуютно. Вначале они просто не знали, что говорить убитой горем матери, а затем уже не знали, как поскорее от нее отделаться. Прошли годы, и всем надоело видеть ее, слышать по телевизору о пропавшей Лесли. Им больше не хотелось выказывать жалость, подспудно мучиться чувством вины. В адрес Лорен то и дело раздавались советы: «Перестаньте изводить себя… Время лечит любые раны».

Даже лучшие из подруг призывали Лорен успокоиться: «Прошло очень много времени, Лорен. Лесли уже мертва. Тебе пора угомониться».

Им, конечно, легко говорить. Лесли не их дочь.

Бристоли, душевные и добрые люди, выразили Лорен больше сочувствия. У них был дом, и они предложили ей на время уехать из Санта-Барбары. А может, она и им порядком надоела, может, они тоже хотели избавиться от нее. С глаз долой – из сердца вон.

Но в любом случае Лорен была им благодарна.

Дом находился в тупике, в конце дороги, которая, выходя из города, подобно пальцу указывала на утопающие в багровом свете холмы на западе. Тихая, располагающая к мечтаниям местность. По большей части соседние дома были гораздо старше особнячка Бристолей. Разросшиеся кусты бугенвиллии и олеандра надежно закрывали их от любопытных глаз. Местным жителям не было дела до того, чем занимались их соседи. Именно уединение и приватность повлияли на решение Лорен избрать себе местом жительства эту местность.

В бунгало, расположенном через два дома на левой стороне от дороги, жил художник по металлу. У него во дворе громоздились груды металлолома. Напротив художника жила старая супружеская чета бывших хиппи. Возле дома они вскопали огромный огород, а в палисаднике на длинных веревках вечно сушились вылинявшие до безобразия футболки. Ближайшим соседом Лорен был ушедший на пенсию преподаватель из Мак-Астерского колледжа. Окна своего дома он обычно оставлял открытыми. Мужчина любил камерную музыку, так что по вечерам ее звуки долетали до слуха Лорен вместе с порывами прохладного ветерка.

Дом Бристолей находился в конце дороги. Его с самого начала строили ради уединения и покоя, царящего здесь. За домом на лугу росла трава нежно-золотистого оттенка. У подножия пологого холма текла небольшая речушка, по обеим берегам которой зеленели деревья.

За ними виднелся скалистый гребень невысоких гор, отделявших долину от виноградников и побережья Санта-Барбары. Иногда Лорен казалось, что горы – это стена, отгораживающая ее от тяжелых мыслей и воспоминаний о прошедших годах.

Так, по крайней мере, ей хотелось думать.

Устав от собственных мыслей, женщина спустилась со второго этажа, где располагался ее кабинет, и через холл направилась в хозяйскую спальню принимать душ.

Бампер и Сиси не пожалели денег на то, чтобы осовременить дом. По правде говоря, от первоначального строения мало что осталось. Работа обошлась им в кругленькую сумму.

Ланс превратил обитую досками, выкрашенную в белый цвет коробку в калифорнийскую причуду, выполненную в новоанглийском стиле залива Кейп-Код. Крылья и другие пристройки были выполнены так, что у постороннего человека возникало ошибочное впечатление и ему казалось, что дом постепенно расширяется. В одном из двух крыльев располагались четыре смежные спальни, в которых во время праздников и каникул размещались взрослые дети и внуки Сиси и Боба. Посреди столовой стоял огромный старинный стол, за которым во время обеда легко усаживалась дюжина друзей и родственников Бристолей.

Из одной комнаты человек прямиком попадал в другую. Повсюду были расставлены «сокровища», которые Сиси и Лорен вместе приобретали на блошиных рынках и во время распродаж вещей, доставшихся кому-то по наследству после смерти хозяев. Полы в доме были сделаны из широких, потемневших от времени досок. Их специально для этого доставили в Калифорнию с восточного побережья страны. Камины в гостиной и общей комнате украсили речным камнем, взятым, возможно, из той самой речки, что текла позади особняка.

Несмотря на подчеркнуто сельский дизайн остального дома, хозяйскую ванную комнату выложили белым с вкраплением серого мрамором, обставили новенькой белой мебелью, украшенной декоративными рифлеными панелями. Стены были выдержаны в светло-голубых тонах. Лорен и Сиси неплохо поработали над тем, чтобы превратить это место в храм отдохновения, и теперь можно было понежиться в глубокой ванне с бокалом вина в руках, почитать на досуге книгу.

Лорен слишком нервничала, поэтому не могла расслабиться. Пить в такую рань нельзя. Если она напьется, то не сможет поехать в супермаркет за едой к ужину. Лорен уже несколько лет ничего ради собственного удовольствия не читала. Мысль об удовольствии вызывала у нее сильнейшее чувство вины.

Она быстро приняла душ. Прикасаться к собственному телу было неприятно. Лорен всю жизнь была стройной, атлетически сложенной женщиной. Теперь же она настолько похудела, что под кожей проступили ребра. Ей казалось, что она сможет на ощупь сосчитать свои ребра так же легко, как слепой читает текст, написанный шрифтом Брайля. Ей с трудом удавалось заставить себя что-нибудь пожевать. Мысль о полноценном обеде вызывала у женщины непроизвольные спазмы и тошноту. Сейчас она жила на протеиновых батончиках и напитках для спортсменов. Выйдя из-под душа, Лорен быстро накинула на себя халат из толстой ткани и укуталась в него до самого подбородка.

Ей сорок два года, можно сказать, расцвет жизненных сил. Вот только лицо, которое смотрело на нее из зеркала, казалось, принадлежало женщине, бывшей гораздо старше ее. Кожа приобрела болезненный желтоватый оттенок, две глубокие морщины, словно скобки, протянулись вниз из уголков ее губ. В некогда черных волосах появилось множество седых нитей. Проведя пару раз расческой по волосам, Лорен подумала, что не мешало бы их покрасить. Через секунду женщина и думать об этом забыла.

Она не заслужила права хорошо выглядеть. Она не заслужила права следить за своей внешностью. В любом случае она сама виновата в том, что так рано поседела. По-своему Лорен даже гордилась преждевременной сединой.

До исчезновения дочери Лорен проявляла ничуть не меньше суетного тщеславия, чем любая другая женщина ее возраста. Она любила ходить по магазинам, при этом всегда отдавая предпочтение самым модным вещам. Сейчас Лорен натянула на себя джинсы и черную футболку, которая висела на ней мешком, волосы собрала сзади в конский хвост, нацепила на нос солнцезащитные очки с огромными стеклами и вышла из дома, даже не подкрасившись.

В Оук-Кнолле проживало около тридцати тысяч человек. Это был, по определению Лорен, «городок бутиков»… Живописный… богатый… красочный… Не слишком большой, но и не слишком маленький… Центр городка возводился вокруг отведенной исключительно для нужд пешеходов площади, обсаженной по краям старыми дубами. По двум сторонам площади тянулись стильные кафе, книжные магазинчики, художественные галереи и рестораны. К югу и западу от площади находились колледж и примыкающие к нему живописные окрестности.

Сиси Бристоль окончила Мак-Астерский колледж в шестидесятых. Будучи одним из наиболее привилегированных учебных заведений страны, колледж особенно славился своими достижениями в области музыки. В Оук-Кнолле жили как представители искусства, так и преподаватели. Именно это обстоятельство побудило Сиси вернуться в город, когда они с мужем стали обдумывать перспективу обзавестись собственным загородным домом.

Расположенный в часе езды вглубь материка от Санта-Барбары и в часе с половиной езды к востоку от Лос-Анджелеса, Оук-Кнолл привлекал к себе внимание ушедших на покой, хорошо образованных людей с отнюдь не маленьким доходом, а также молодых работников умственного труда из северных предместий, которые нуждались в тихом и безопасном для их семей местечке.

В результате экономика городка процветала, всюду витал дух предприимчивости, а школы и коммунальные службы были выше всяких похвал.

Даже продуктовые магазины отличались высоким качеством своих товаров. Лорен оставила машину на недавно заасфальтированной стоянке нового супермаркета «Павильон» с его каменными колоннами и затемненными окнами. Взявшись за ручку тележки, женщина вкатила ее внутрь, туда, где композиции флористов на шатких подставках приветствуют и искушают покупателей.

Разумный подход к маркетингу. Купи букет, бутылочку вина, накрой красивый стол… Зачем самой готовить пищу? Выбери что-нибудь из деликатесов в кулинарии.

Лорен без сопротивления поддалась искушению. Салат из орзо[1]. Сваренная на медленном огне лососина с укропом. Свежий фруктовый пирог прямо из пекарни.

Лия недавно решила стать вегетарианкой, но Лорен настояла на том, чтобы дочь оставила в своем рационе рыбу и яйца. Без белков никак нельзя. В ответ Лия взяла с матери обещание, что Лорен каждый вечер будет есть на ужин хлеб. Девочку очень волновало то, что ее мама сильно похудела в последнее время… В тележке оказался каравай ароматного хлеба.

Ужин был объявлен временем взаимного перемирия. Дочери уже почти шестнадцать. Лия отнюдь не горела желанием перебираться в Оук-Кнолл. Она сердилась на мать за то, что та разлучила ее с подругами, и обвиняла Лорен, что той наплевать на ее чувства. Последнее было неправдой.

Лорен считала, что в Санта-Барбаре ее дочь не оставят в покое. Для всех она будет всего лишь младшей сестрой похищенной девушки. Лия навечно останется выжившим ребенком в семействе, разрушенном страшной трагедией. *Бедная девочка! Какая жалость!* Привкус сострадания всегда будет присутствовать в ее жизни, что бы Лия ни делала, чего бы ни достигла.

---

[1] Орзо – крошечные макароны из твердых сортов пшеницы размером с рисовое зернышко.

Именно эти мысли не давали покоя Лорен. Именно эти доводы она приводила себе в оправдание, когда, сорвав дочь с насиженного места, перевезла ее в Оук-Кнолл. Но было и еще кое-что… В этом году Лии исполняется шестнадцать лет. Лесли тоже было шестнадцать, когда ее похитили. Эту мысль Лорен держала при себе.

Где-то она прочитала, что больные на голову люди приурочивают свои поступки к определенным датам, например к годовщине совершенного ими преступления. Шестнадцатилетие младшей сестры жертвы может быть достаточным поводом, чтобы похитивший Лесли преступник почувствовал нездоровое возбуждение…

Знает ли он, когда у Лии день рождения? Видел ли он девочку в новостях после того, как похитил ее старшую сестру? Тогда их семья оказалась в центре внимания средств массовой информации. О возрасте Лии писали в газетах. Журналисты посвящали подобного рода данным многочисленные колонки.

Постоянно проживающий в Санта-Барбаре архитектор Ланс Лоутон 39 лет… его супруга Лорен 38 лет… их младшая дочь 12 лет…

Конечно же, он следил за появляющимися в новостях сообщениями, читал газеты… Прошло уже четыре года с тех пор, как он похитил Лесли. Следит ли он за их судьбами? Лорен верила, что да, следит. Знает ли он, что они переехали в Оук-Кнолл? А если он сейчас здесь, в супермаркете?

Он следил за Лесли так скрытно, что никто не обратил на это внимания. Он похитил и скрылся с девочкой. Он следил за ее семьей после похищения. Никому не удалось вывести его на чистую воду. Почему бы ему не попробовать провернуть это еще раз?

Все знали, кто виновен в похищении. Полицейские… управление шерифа… Они на девяносто процентов были уверены, кто преступник. Лорен тоже знала. Она свято верила в это. Однако не было главного – доказательств. Ничего, кроме гипотез и предположений. Словно злой чародей похитил ее девочку, а затем по мановению волшебной палочки она растаяла в чистом воздухе. Преступник вышел сухим из воды, а Лорен, по ее ощущениям, превратилась в узницу.

Что будет, если он вернется? Что станет с Лией, если он захочет ее?

Страх мертвой хваткой сжал горло. Мурашки побежали по всему телу. Мерзкое чувство, что за ней наблюдают, заставило Лорен напрячься. Женщина быстро оглянулась.

Складской рабочий расставлял на полке упаковки с крекерами. Он посмотрел на покупательницу.

– Могу вам чем-нибудь помочь, мэм?

Лорен тяжело сглотнула и, обретя дар речи, ответила:

– Нет. Спасибо.

Переведя взгляд в конец прохода между стеллажами, Лорен успела заметить мужчину с черными волосами длиною до плеч. Он повернул в другой проход. У нее вновь перехватило дыхание. Сердце учащенно забилось в груди. Миллионы мыслей, словно пули, выпускаемые из пулемета, промелькнули в мозгу. Женщина свернула в следующий проход и, катя перед собой тележку, прошлась до конца.

Это он?

Как я поступлю?

Я закричу?

Прибегут ли на мой крик люди?

Что я им скажу?

Лорен свернула влево, еще раз влево и… врезалась своей тележкой прямо в его тележку.

Мужчина отскочил в сторону и крикнул:

– Что такое?!

Лорен молча смотрела на него.

Узкое лицо. Темные глаза под низко нависшими бровными дугами…

Нет. О нет!

Этот мужчина был среднего роста, коренастый… Латиноамериканская внешность, тяжелая нижняя челюсть, короткие волосы и усы на верхней губе.

– С вами все в порядке? – обходя тележку, поинтересовался незнакомец.

– Что случилось? – спросил еще кто-то.

Голоса, казалось, доносились с противоположного конца длинного туннеля.

– Извините. Извините, пожалуйста.

Ее собственный голос тоже звучал как будто издалека. Руки онемели, крепко сжимая ручку тележки. Ноги словно ступали по воде.

– С вами все в порядке, мэм?

Перед ней возникла фигура управляющего.

– Извините, – учащенно дыша, пробормотала Лорен. Ее бросало то в жар, то в холод. – Я не смотрела, куда иду. Извините. Где женский туалет?

– В службе работы с покупателями.

Прежде чем он успел сказать что-либо еще, Лорен схватила свою сумку, лежавшую в тележке, и заспешила мимо мужчины прочь. В туалете она прошла в кабинку, уселась на унитаз и, поставив на колени сумку, попыталась унять дрожь, охватившую все тело. Затем она быстро-быстро заморгала, отгоняя наворачивающиеся на глаза слезы. Женщина старалась дышать глубже, спокойнее. Сердце громко стучало в груди. Голова кружилась. Лорен боялась, что ее может стошнить.

И о чем она только думала?

Она его на самом деле видела или ей это только почудилось? Был ли он сейчас в супермаркете? Возможно, она не туда свернула?

Что бы она делала, если бы мужчина, на тележку которого она наехала, оказался тем самым похитителем ее дочери? Она бы кричала или нет? Набросилась бы на него с кулаками? Полиция стала бы вмешиваться или нет? Вполне возможно, что ее насильно вывели бы из супермаркета…

Ответы никак не приходили на ум. Женщина сидела на крышке унитаза, вслушиваясь в заезженную мелодию, долетающую снаружи.

Дверь туалета приоткрылась.

Женский голос произнес:

– Мэм! Меня послал управляющий. С вами все в порядке?

– Да. Все хорошо. Спасибо.

Она подождала, пока женщина закроет за собой дверь, вышла из кабинки и в спешке покинула супермаркет. Ее руки дрожали, пока она вытаскивала ключи из сумки. Лорен с трудом сдерживала себя, чтобы опрометью не кинуться к своей машине.

Женщина чувствовала себя полной дурочкой. Она и думать забыла об ужине. Усевшись за руль, Лорен завела мотор, включила кондиционер и позволила струе охлажденного воздуха остудить раскрасневшееся от волнения лицо.

А снаружи все шло своим чередом. Мимо спешили люди, заходя и выходя из дверей супермаркета. Они даже не смотрели в ее сторону. Они не знали, что Лорен совершила десять минут назад. Они не знали обо всем том, что она сделала за прошедшие четыре года… делала каждый день с тех пор, как… Им все равно. Ее жизнь никоим образом не пересекается с их жизнями.

Приди в себя, Лорен.

Она старалась изо всех сил. Обычный человек со стороны, глядя на нее, ни за что бы не догадался, что эта женщина живет на грани здравомыслия и безумия. Впрочем, обычный

человек, глядя на своего соседа, вряд ли подумает о том, что в его больном мозгу копошатся темные мыслишки, а сам он смакует картины похищения, страшных пыток и убийств…

Он казался таким милым человеком…

Вид снующих туда-сюда по своим делам жителей Оук-Кнолла заворожил Лорен. Так гипнотизирует человека вид муравьев, копошащихся у своего муравейника. Наконец она вспомнила, что неплохо бы подумать о том, что они с дочкой будут есть на ужин.

Возвращаться в «Павильон» она не решилась. Всего в нескольких кварталах отсюда находится супермаркет «Ральфс». А может, разумнее будет заказать по телефону пиццу или любую другую пищу с доставкой на дом? Отойти, перегруппироваться, пропустить стаканчик-другой и забыть о сегодняшних неприятностях. И завтра она спокойно выйдет в люди, не допуская даже мысли о том, чтобы напасть на человека с тележкой для покупок.

Глубоко вдохнув, она выпустила из легких воздух в надежде прояснить таким образом свои мысли. Когда Лорен старалась избавиться от внутреннего напряжения, мимо проехал автофургон… ничем не примечательный коричневый автомобиль-фургон без окон в грузовом отсеке. Водитель повернул голову и посмотрел прямо на женщину. Сердце Лорен екнуло в груди, когда ее взгляд встретился ос взглядом темных глаз Роланда Балленкоа под низко нависшими над ними бровями.

Этот мужчина похитил ее дочь.

2

Автофургон продолжил свой путь. Водитель не остановился, не притормозил, не увеличил скорость… Он, наверное, не узнал ее.

Лорен почувствовала, как неистово стучит кровь в висках. Женщина находилась в таком состоянии, как будто ее с головой окунули в воду. Она не могла говорить. Она не могла дышать. Казалось, страшная сила сейчас возьмет и раздавит ее грудную клетку.

Лорен не верила собственным глазам. Неужели это и впрямь он или ее зрительная память придала лицу незнакомца схожесть с ненавистными чертами?

Автофургон притормозил, готовясь выехать на улицу. Отсюда она не видела лица водителя.

А что, если это действительно он? Возможно, как и любой обычный человек, он едет сейчас домой с упаковкой из шести банок пива и коробкой замороженной лазаньи.

Когда автофургон выехал с автостоянки и влился в уличное движение, Лорен включила сцепление и тронулась с места, даже не заметив, что чуть было не сбила женщину, везущую перед собой тележку, полную продуктов.

Ей нужно знать точно.

Она развернула машину прямо перед носом нескольких подростков, стоящих на тротуаре, и нажала на газ прежде, чем фургон успел далеко от нее отъехать.

Он был как раз на перекрестке и поворачивал налево.

Лорен пристроилась за две машины от автофургона. Она успела свернуть за секунду до того, как на светофоре вспыхнул красный свет. Раздались рассерженные гудки.

Если это был он, то почему же, глядя ей прямо в глаза, Балленкоа ничем не выказал своих чувств? Или мать жертвы столь ничтожна в его глазах, что он даже не удосужился запомнить ее лица?

Волна злобы, гнева, страха, ненависти и недоверия нахлынула на нее подобно жгучей кислоте. Весь этот убийственный коктейль, словно цунами, буйствовал в ее душе.

Автофургон снова свернул. Лорен решила обогнать две машины, едущие впереди нее, чтобы, чего доброго, не потерять его из виду.

Пока она думала о том, как лучше это сделать, седан бордового цвета поравнялся с ее машиной. Женщина бросила на водителя убийственный взгляд, и у нее закружилась голова.

Этот был тот самый латиноамериканец, с которым она столкнулась в супермаркете. Теперь он гонится за ней, хочет отомстить за то, что она наехала на него возле стеллажей с макаронной продукцией. Может, это плохой сон? Абсурдный идиотский кошмар.

Мужчина бросил на женщину хмурый взгляд и решительно махнул рукой с выставленным вперед указательным пальцем в направлении обочины. На приборной панели замигали огоньки.

Господи! Да он же полицейский!

И этот полицейский останавливает ее в тот момент, когда ей во что бы то ни стало нужно догнать человека, похитившего ее дочь. Если все это происходит на самом деле, то она видит не сон, а кошмар.

Лорен посмотрела вперед. Коричневый автофургон свернул направо и скрылся из виду. Как бы ей хотелось вытянуть подальше руку и схватить фургон, словно это маленькая детская игрушка. Тем временем часть ее мозга, не утратившая связи с реальностью, заставила включить сигнал поворота. Ее машина подъехала к обочине.

Бордовый седан остановился позади нее.

Лорен сидела и в зеркало заднего вида наблюдала за водителем, который выбирался из седана. Знать, что в это время Роланд Балленкоа преспокойно ускользает от нее, было почти невыносимо.

Он один? Удерживает ли он Лесли у себя? А может, он рыскает в поисках очередной жертвы? Или парень в фургоне – местный плотник, который скупился в супермаркете и теперь везет продукты жене и детям на ужин?

В этом случае она просто сходит с ума.

– Детектив Мендес из управления шерифа, – представился полицейский, показывая свое удостоверение в окно ее машины. – Могу я взглянуть на ваши водительские права и свидетельство о регистрации автомобиля?

Лорен полезла в кошелек. Дрожащей рукой она вытащила из него свои водительские права и протянула их мужчине. Свидетельство о регистрации лежало в бардачке. Женщина не помнила, как оно выглядит.

– Прошу выйти из машины, мэм.

– Извините, – вылезая из автомобиля, сказала Лорен. – Я, вообще-то, не такой уж плохой водитель. Это касается не только машин, но и тележек в супермаркете.

Детектив Мендес никак не отреагировал на ее шутку. На его лице застыло то твердокаменное выражение полицейского-служаки, которое до боли было знакомо ей. Не лицо, а стальная дверь без окошек и глазков.

– Вы пили спиртное, мэм?

– Нет.

Не пила, хотя глоток неразбавленной водки пришелся бы ей сейчас как нельзя кстати.

– Миссис Лоутон! Вы ведете себя сегодня несколько… непредсказуемо. Вы принимаете какие-нибудь лекарства?

Прозак… Ативан… Валиум… Тразодон… Список медикаментов из ее аптечки.

– Нет, – ответила женщина.

Лорен сегодня не принимала никаких таблеток. Она постаралась, чтобы сегодняшний день стал днем без лекарств. Из#за медикаментов ее клонило в сон, а сон ничего, кроме кошмаров, ей не давал.

Детектив заглянул ей в глаза, попытавшись определить размер ее зрачков.

Не могла ли она проглотить что-нибудь и забыть об этом? Ее память, как оказалось, заволокло густым туманом. Она обедала или нет? Лорен не помнила… Как будто нет… Возможно, уровень сахара в крови понизился до предела. И если бы она вовремя съела кусочек сыра, то все странности сегодняшнего дня наверняка не произошли бы.

– Я видел, как вы выезжали с парковки, – сказал детектив. – Вы нарушили по меньшей мере полдюжины законов, не говоря уже о том, что подвергли риску безопасность людей. Чем вы можете объяснить свое поведение?

– Мне показалось, что я заметила человека, которого когда-то знала, – произнесла Лорен, сама удивляясь тому, как глупо звучит ее объяснение.

Детектив наморщил свой массивный лоб. Красивый мужчина. Лет за сорок. Похож на натянутую тетиву лука. Глаженые брюки. Пиджак и галстук.

– И вы решили погнаться за тем человеком на машине? – спросил Мендес. – Мы не приветствуем подобное поведение, мэм.

– Конечно, – согласилась Лорен. – В Санта-Барбаре это тоже не приветствуется.

Это реальная жизнь, Лорен, а не «Французский связной»[2]. Автомобильные погони – хороши в фильмах. Что же с тобой такое?

Детектив Мендес, явно озадаченный, сказал:

---

[2] «Французский связной» – кинофильм-триллер режиссера Уильяма Фридкина, вышедший на экраны в 1971 году.

– Сядьте ко мне в машину.

По рации он проверил подлинность ее водительских прав. Мужчина говорил иносказательно, на каком-то странном кодовом языке полицейских, явно запрашивая информацию о прежних «чудачествах» Лорен. В Санта-Барбаре на нее, без сомнения, заведено пухлое дело. Ее хорошо знали как в полиции, так и в управлении шерифа. Всякий скажет ему, что она – та еще сука и зараза. Такое мнение о себе со стороны полицейских вызывало у Лорен определенную гордость.

– Что привело вас в Оук-Кнолл, миссис Лоутон?

– Мы с дочерью недавно переехали в ваш город.

– Чем вы зарабатываете себе на жизнь?

– Я декорирую интерьеры.

– А ваш муж?

Взгляд детектива остановился на кольце, надетом на палец женщины. Лорен так и не смогла расстаться со своим обручальным кольцом. Ничего, что Ланс умер. Она навеки обручена с ним.

– Мой муж умер.

– Извините.

Несмотря на повышенное внимание к ней со стороны окружающих, женщина не научилась отвечать на проявление сострадания. Сказать «спасибо» было бы как-то банально. Лорен невысоко ценила поверхностное сочувствие, выказываемое незнакомцами. Эти люди в глаза не видели ее мужа. Зачем в таком случае притворяться?

По рации передали что-то трудно различимое для уха Лорен.

Мендес ответил быстрой непонятной фразой:

– Десять, четыре… Вас там знают.

Лорен рассмеялась без тени радости в голосе. После этого разговор обычно принимал неприятный для нее оборот.

– Да, я знаменита. Репутация, правда, у меня та еще… Короче, четыре года назад мою дочь Лесли похитили.

Мендес кивнул и на мгновение задумался, что-то вспоминая.

– Дело не закрыли?

– Нет.

Как же бесстрастно прозвучал этот вопрос! Дело. Словно имеешь дело с книгой, которую можно раскрыть, почитать, а потом снова закрыть и положить на полку. А реальность на самом деле куда непригляднее, грязнее, мерзопакостнее, уродливее, циничнее и гаже. Дело не закрыли. Ее дочь не нашли.

– Вы сказали, что недавно переехали к нам жить. У вас есть в городе друзья?

– Я почти ни с кем не знакома.

– Так кого же вы увидели в таком случае? – поинтересовался Мендес. – За кем вы ехали?

– За человеком, похитившим мою дочь.

Ответ застал мужчину врасплох.

– Что?

– Его зовут Роланд Балленкоа. Мне показалось, что это его я увидела в супермаркете, – сказала Лорен. – Ну а потом он проехал мимо меня на парковке.

– На чем?

– На коричневом автофургоне.

– Вы запомнили номер фургона?

– Нет.

– Если известно, что этот человек похитил вашу дочь, то почему же он не в тюрьме?

Неудача навалилась на женщину, вмиг лишив всех жизненных сил. Адреналиновая лихорадка спала. Он ей не поможет. Никто ей не поможет. Роланд Балленкоа – свободный гражданин.

– Потому что против него не хватило доказательств, – смирившись с неизбежным, ответила Лорен. – Детектив, если вы хотите оштрафовать меня, выписывайте штраф. У меня еще много дел.

– Я не вполне уверен, как мне следует поступить, миссис Лоутон, – заявил Мендес и добавил: – Я не уверен, что могу позволить вам опять сесть за руль.

– Давайте я пройдусь по прямой линии пятка к носку? – предложила женщина. – Могу зажмуриться и дотронуться указательным пальцем до носа. Я трезвее судьи. Может, дунуть в индикаторную трубочку? Или возьмите у меня анализ крови! Я ничего не принимала.

– В супермаркете вам показалось, что вы увидели этого мужчину, но вместо него вы врезались своей тележкой в мою. Вы погнались за человеком в автофургоне, чуть было не сбив с полдюжины пешеходов. Вы говорите, что этот человек похитил вашу дочь, но доказательств этому – никаких.

– Я не говорю, что у меня в голове все ролики на месте, – призналась Лорен, – но, к моему счастью, быть немного сумасшедшей в нашей стране не считается противозаконным. Многие люди полагают, что в издерганном состоянии моих нервов нет ничего удивительного. Те, кто пережил страшную трагедию, не могут оставаться психически уравновешенными.

Мужчина никак не отреагировал на прозвучавший в словах женщины сарказм. Подняв руку, Мендес своими толстыми пальцами почесал затылок, словно хотел с помощью легкого массажа подогнать бег собственных мыслей.

Вновь включив рацию, детектив запросил информацию о Роланде Балленкоа. Склонности, предыдущие аресты, место проживания…

– Где вы живете? – спросил он у женщины.

– Дом номер двадцать один по Оулд-Мишен-роуд. Это дом моих друзей из Санта-Барбары. Их фамилия – Бристоль, – объяснила Лорен, как будто ему на самом деле не все равно.

– Ваш телефонный номер, – продолжил детектив, бегло записывая ее ответы в небольшой блокнот, страницы которого соединялись пластмассовой спиралью.

Этот блокнот Мендес вытащил из внутреннего кармана своего пиджака.

– Вам надо будет переговорить с детективом Таннером из полицейского управления Санта-Барбары, – сказала она, придя к выводу, что Мендес это дело так не оставит.

Глянешь на этого человека, и сразу видно, что он до невозможности дотошный.

– В ведении этого детектива было дело моей дочери, – добавила она.

– С чего вы решили, что Балленкоа может сейчас быть в Оук-Кнолле?

– Если бы я знала об этом, разве привезла бы мою дочь сюда? – с вызовом произнесла Лорен.

Мендес оставался невозмутимым. Еще одна достающая до печенок черта копов.

– Вы думаете, что ему известно, где вы сейчас живете?

– Я не присылала ему уведомления о переезде, – съязвила женщина. – Вы считаете меня идиоткой?

– Нет, мэм.

– Нет? А сумасшедшей?

– Нет, мэм.

– Ваша вежливость оскорбительна, детектив, – продолжила Лорен. – У вас есть достаточно оснований думать о том, что у меня не все в порядке с головой. К тому же многие считают меня той еще сукой.

Мендес ничего не ответил.

Лорен иронически улыбнулась.

– Ваша мама хорошо воспитала вас.

– Да, мэм.

В рации что-то щелкнуло, а потом она выдала очередную порцию запрошенных Мендесом сведений. Последний известный адрес Роланда Балленкоа – Сан-Луис-Обиспо. Два часа езды отсюда. Ничего предосудительного. Никаких приводов в полицию.

Детектив взглянул на женщину.

– Это еще не означает, что он не может сюда приехать, – заявила Лорен, чувствуя нарастающее раздражение. – Насколько я знаю, люди могут свободно въезжать и выезжать из Сан-Луиса.

– Вы думаете, что он приехал, чтобы скупиться в «Павильоне»? – спросил детектив.

Внезапно непрошеные слезы начали жечь женщине глаза. Она почувствовала себя беспомощной дурочкой, потерпевшей сокрушительное поражение.

– Я свободна? – сдавленным голосом спросила Лорен.

Мендес окинул женщину испытующим взглядом. Казалось, он хочет просветить ее рентгеновскими лучами. Лорен отвела глаза в сторону.

Наконец детектив вернул ей водительские права, присовокупив к ним свою визитку.

– Если вновь увидите этого человека, не пытайтесь за ним проследить, – посоветовал Мендес. – Лучше позвоните в управление шерифа.

– И что я скажу? – спросила Лорен. – Сообщу, что видела мужчину, которому не стоило бы покупать продукты в этом городе?

Мендес вздохнул. Это в равной степени могло означать как согласие с мнением Лорен, так и раздражение или нетерпение. Но лицо его, как и прежде, оставалось безучастным.

– Звоните прямо мне.

– Хорошо.

Женщина бросила взгляд на визитную карточку. Детектив Энтони Мендес. Открыв дверь автомобиля, она выбралась наружу.

– И осторожно ведите машину, мэм.

3

Мендес, провожая глазами Лорен Лоутон, которая медленным шагом возвращалась к своему БМВ, отметил, что она выглядела какой-то потерянной и больной. В водительских правах значилось, что этой женщине сорок два года. С фотографии ему очаровательно улыбалась полная жизненных сил черноволосая женщина с яркими голубыми глазами. Та, что минуту назад сидела рядом с ним в служебном седане, казалась старше, худее и бледнее. Очевидно, похищение дочери украло у нее многие годы жизни. Да, так оно и есть.

Детектив следил за перипетиями того дела в Санта-Барбаре. Мендес вспомнил, что тогда на дворе стояла весна. Похищение случилось вскоре после свадьбы Винса и Анны. Друзья улетели в Италию отмечать давно заслуженный медовый месяц, а на следующий день появилось сообщение о предполагаемом похищении девочки-подростка из Санта-Барбары.

Мендес в качестве добровольца от управления шерифа принимал участие в поисках девочки. Хотя полиция Санта-Барбары и окружное управление шерифа располагали достаточным количеством людей, поисковые команды, спасатели и просто добровольцы из числа граждан съезжались со всей Южной Калифорнии, предлагая свою помощь.

Все их старания ни к чему не привели. Единственное, что они обнаружили, это велосипед и пенни-лоуфер[3] девочки, лежавшие в канаве у тихой сельской дороги на окраине городка.

Мендес помнил, что встречал родителей девочки во время прочесывания территории. Они пришли просить добровольцев не прекращать поиски. Смотреть на них было тяжело. Такое впечатление, как будто с живых людей сдирали кожу. Подобную агонию чувств редко когда доводится видеть воочию.

Исчезновение девочки было на слуху все лето. О нем то и дело сообщалось в местных новостях. Потом, уже осенью, в Оук-Кнолле произошло жестокое убийство и все внимание Мендеса сосредоточилось на его расследовании. Судьба пропавшей девочки из Санта-Барбары перестала занимать его мысли.

Время от времени в передаваемых из Санта-Барбары новостях сообщалось о следствии по делу Лоутон. Насколько он помнил, ничего путного из этого следствия у его коллег не вышло. Имя Роланда Балленкоа никогда при этом не упоминалось.

Лорен Лоутон нажала на клаксон и осторожно отъехала от бордюра. Мендес пропустил несколько машин, а затем последовал за БМВ женщины.

Машина свернула на Виа-Верде и направилась к спальным кварталам Оук-Кнолла. Женщина вела свой БМВ так медленно, что одна из едущих за ней машин недовольно просигналила, сорвалась с места и обогнала автомобиль Лорен. Мендес решил не реагировать на нарушение правил уличного движения. Выписывать штрафы не его работа. К Лорен Лоутон он привязался отнюдь не из#за того, что она опасно вела свой автомобиль.

Он видел лицо женщины, когда она наехала на него тележкой для покупок. Он видел, как изменилось выражение ее лица, когда Лорен поняла, что ошиблась и он не тот человек, которого она ожидала увидеть. Ее поведение заинтриговало Мендеса. Детектив проследил, как она выходит из «Павильона», бледная и дрожащая всем телом. Когда женщина выехала с парковки, детектив просто не мог не последовать за ней.

Он подозревал, что женщина ищет коричневый автофургон. А что будет, если она увидит эту машину на одной из подъездных дорожек, ответвляющихся от Виа-Верде? Пойдет ли она прямо к двери дома, в котором, как ей кажется, живет человек, похитивший ее дочь?

---

[3] Пенни-лоуфер – плоский школьный ботинок, в язычке которого есть отверстие или прорезь, где когда-то прятали монетку в одно пенни.

Скорее всего, да. А что потом? Ничего хорошего из этого не получится. Мендес попробовал поставить себя на ее место. Если бы он знал, что парень, похитивший его ребенка, вышел сухим из воды, как бы он поступил на ее месте?

Выследил бы его и убил как бешеную собаку.

Мендес подумал, что неплохо бы выяснить, приобретала ли миссис Лоутон – или ее покойный муж – оружие.

Не обнаружив коричневый автофургон, женщина продолжала медленно катить по Виа-Верде, мимо шикарных бутиков и кафе, мимо живописного кампуса Мак-Астерского колледжа, мимо зеленых лужаек, над которыми раскинули ветви старые дубы.

Мендес держался от БМВ на расстоянии. Машины свернули на Оулд-Мишен-роуд. Теперь дома попадались реже. Детектив съехал на обочину и остановился. Издалека он видел, как Лорен Лоутон доехала до самого конца дороги, свернула и заехала под арку ворот, за которыми раскинулся белый особняк и ряды ухоженных цветочных клумб.

Вскоре БМВ исчез в гараже.

Глянув на часы, Мендес прикинул, что он может сделать еще. Вообще-то сегодня у него выдался свободный денек. На полицейской машине без опознавательных знаков он ехал только потому, что его собственный автомобиль был сейчас в ремонте. Надо было кое-что отремонтировать. Утром он провел пару часов в суде, давая показания, а остаток дня был в его полном распоряжении. Если он смотается в Санта-Барбару, ничего предосудительного в этом не будет. И если он поедет туда сейчас же, то успеет заскочить в полицейское управление и получить ответы на интересующие его вопросы. А потом можно будет порадовать себя славным ужином в ресторане с видом на океан.

Мендес вернулся на Виа-Верде, купил себе кофе, нашел платный телефон, позвонил в полицейское управление Санта-Барбары и попросил позвать к телефону детектива Таннера.

– Следственный отдел. Детектив Таннер у телефона.

Женский голос. Немного хрипловатый, но явно женский. Мендес взглянул на трубку с таким видом, словно с ней явно что-то было не в порядке.

– Детектив Таннер?

– Да. Чем могу помочь?

– С вами говорит детектив Мендес из Оук-Кнолла.

– И#и#и?

– У меня к вам есть пара вопросов, – собираясь с мыслями, начал он. – Мне сказали, что вы занимаетесь одним делом…

– Каким делом?

– Похищение Лоутон… Лорен Лоутон недавно переехала в Оук-Кнолл.

– О! – донеслось из трубки, а затем, запнувшись, голос радостно воскликнул: – Аллилуйя!

– И что бы это могло означать?

– Желаю удачи, товарищ.

– И много с ней головной боли? – поинтересовался Мендес.

Донесшийся до него смех Таннер свидетельствовал о том, что она находится на грани истерики.

– Ха-ха-ха! Из#за нее один детектив раньше времени ушел в отставку, а другой перевелся в Барстоу… Если бы у меня в приятелях не было прокурора, она и меня под увольнение подвела бы.

А может, тебя и следовало бы уволить.

Мендесу совсем не нравился такой подход к делу. Возможно, копы из Санта-Барбары слишком сильно увлекаются серфингом. А может, все они – некомпетентные ничтожества.

– Мне бы хотелось взглянуть на материалы этого дела, – сказал он. – Вы ведь будете в ближайшее время на своем рабочем месте?

– Да.

– Я приеду через час.

* * *

От вида, открывающегося с вершин горного хребта Санта-Инес на побережье, возле которого приютилась Санта-Барбара, у Мендеса всегда захватывало дух. Ясное небо своей голубизной соперничало с океаном. Нормандские острова едва виднелись вдалеке, а Санта-Барбара, подобно мозаичному ожерелью, вытянулась вдоль берега.

Живя в этой части Калифорнии, непросто было выбирать, каким пейзажем любоваться – океанским побережьем или покрытыми буйной растительностью долинами, зажатыми между цепочками гор.

Было время, когда Мендес всерьез подумывал о том, чтобы перебраться в Вирджинию и поработать на ФБР в качестве специалиста-криминалиста, занимающегося составлением психологического портрета преступника. В начале восьмидесятых он провел несколько недель в этом штате, посещая занятия в Национальной академии ФБР. Там-то он и познакомился со своим наставником Винсом Леоне, который, работая сначала в отделе поведенческого анализа, а затем в отделе помощи расследованию, стал среди сотрудников бюро живой легендой.

Винс советовал ему поработать агентом, но Мендес вернулся в Оук-Кнолл – отчасти из#за чувства признательности к начальству, отчасти из#за любви к городку. Здесь жила его семья. Мендес по-настоящему любил город, его окрестности и все, что в той или иной степени было связано с ним. А потом Винс сам приехал в Оук-Кнолл, когда расследовалось дело «Не вижу зла», да так и остался в нем навсегда.

Уйдя из бюро, Леоне консультировал правоохранительные органы по всему земному шару, а еще неплохо зарабатывал, обучая новичков. Когда выпадала возможность, он привлекал Тони к работе, и тот постепенно набирался опыта. Мендес знал, что, когда он наконец решится уйти из управления шерифа, Винс возьмет его к себе на полный рабочий день. И ему не придется отсюда уезжать. Все же везет ему в жизни.

Улицы Санта-Барбары были запружены местными жителями и туристами. Мендес добрался до Ист-Фигуероа, припарковал седан и вошел в большое белое двухэтажное здание, в котором располагалось управление полиции. Детектива Таннер пришлось поискать.

Мендес считал себя вполне современно мыслящим мужчиной, но женщин-детективов, признаться, до этого времени ему встречать не приходилось. То, какой оказалась детектив Таннер, его несколько удивило.

В последние годы журналы пестрели статьями, повествующими о борьбе женщин за равное представительство в ранее чисто мужских органах правопорядка. Мендес помнил, как его коллеги воротили носы при известии, что шериф Диксон решил нанять женщин-помощников. Среди следователей, впрочем, редко когда можно было встретить женщину, а повышение представительниц прекрасного пола до руководящего уровня часто становилось темой газетных публикаций.

Вообще-то Мендес не видел в этом особой проблемы. Работа детектива – умственная, а не физическая, по крайней мере, таковой она является большую часть времени. Но у него возникали сомнения насчет того, сможет ли женщина-детектив профессионально допрашивать какого-нибудь подонка, сидя напротив него за столом. А ведь это ежедневная часть работы детектива.

Как только Мендес зашел в следственный отдел и остановился в центре помещения для посетителей, дверь одного из кабинетов открылась и невысокая блондинка, пятясь и гневно тыча в сторону указательным пальцем, закричала на кого-то невидимого:

– Да ты полное ничтожество! Козел опущенный! Перестань хихикать как двенадцатилетний недоумок! Еще раз такое от тебя услышу, кровью умоешься.

Мендес смотрел на женщину, как застигнутый ночью на дороге олень смотрит на приближающиеся фары автомобиля.

На поясе опрятных брюк висел жетон. Черная футболка облегала тело, словно вторая кожа. Светлые волосы были собраны сзади в конский хвост.

С треском захлопнув за собой дверь, женщина повернулась и хмуро уставилась на Мендеса. У нее были зеленые кошачьи глаза.

– Извините, сэр, – произнесла она чуть хрипловатым, как и по телефону, голосом. – Чем могу помочь?

– Тони Мендес, – представился он.

Она слегка покраснела. Или это она после ора такая разгоряченная? Трудно сказать.

Протянув руку, женщина ответила на рукопожатие с силой щипцов для орехов.

– Дэнни Таннер. Извините, что пришлось это слышать.

– Такая, значит, техника допроса. Твердый орешек попался?

Дверь в кабинет, из которого только что вышла Таннер, открылась, и оттуда вышел высокий мужчина в мятом костюме. На его лице застыла жалкая улыбка.

Женщина бросила на него убийственный взгляд.

– Улыбку с лица сотри.

– Прими таблетку мидола.

– Пошел к черту, Морино!

Мужчина показал ей поднятый вверх средний палец и зашагал прочь.

– Дегенерат, – пробурчала себе под нос детектив Таннер.

Презрительно скривившись, женщина повернулась к Мендесу.

– Мой партнер, – сказала она. – И за что мне все это? Ладно. Идите за мной.

Они прошли мимо ее стола. На спинке стула висел спортивный пиджак кремового цвета, сшитый, видимо, из шелка-сырца. Женщина быстро накинула его себе на плечи, а затем они прошлись по коридору до архива, заставленного картонными коробками для хранения документов. Не менее пятидесяти кубических футов коробок занимали те из них, на которых красовалась надпись «Лесли Лоутон».

– Хотите почитать документы – пожалуйста, – произнесла Таннер, показывая на коробки с таким видом, будто демонстрировала гостю завоеванные ею на соревнованиях кубки. – Можете читать столько, сколько хотите… хоть до упаду…

– Ух ты! – вырвалось у Мендеса. – А может, для начала просто поговорим?

Таннер окинула мужчину долгим оценивающим взглядом, посмотрела на часы, а затем согласно кивнула.

– Ладно. Я отберу парочку папок, а вы купите мне что-нибудь выпить. Если захотите еще и поговорить, то придется расщедриться на ужин. Пойдет?

4

– Однажды я нашла мертвое тело.

Лия молча окинула свою новую подружку понимающим взглядом. Девочка месяц не решалась сказать Венди, что ее старшую сестру похитили. Лия боялась говорить об этом. Всякий раз, когда она рассказывала новым знакомым о Лесли, люди начинали относиться к ней по-другому. Они жалели ее, а изредка Лия ловила на себе их преисполненные скрытого опасения взгляды. Казалось, они боятся «заразиться» от девочки ее несчастьем. Венди нисколько не смутилась. В ответ она лишь воскликнула: «Вот лажа!»

Они встретились на конюшне. Одним из немногочисленных плюсов их переезда в Оук-Кнолл было то, что мама разрешила Лии поработать летом на ранчо семьи Грасида.

Феликс и Мария Грасида были старыми друзьями семьи. Их свело вместе поло. Феликс, который дружил с ее отцом, был владельцем школы, где обучали этой игре, а Мария проводила тренировки в дрессаже[4] и постоянно принимала участие в различных конных соревнованиях. Она разводила лошадей и давала уроки верховой езды. Венди приезжала брать уроки дважды в неделю.

Сейчас они ехали по холмам, расположенным чуть в стороне от ранчо Грасида. Благодаря стараниям хозяев здесь были созданы мили извилистых дорог, столь необходимые для их работы. Лия ехала на Попрыгунье, изящной гнедой чистокровной кобыле, принадлежавшей одному человеку, который в данное время отдыхал в Италии. До его возвращения в обязанности Лии входила выездка лошади. Венди сидела на спокойном, послушном мерине по кличке Профессор. Мария Грасида обычно сажала на него тех, кто еще только учился верховой езде.

Несмотря на то что Венди на целый год была младше Лии, девочка выглядела старше своей подруги и, что называется, гламурнее. Венди одевалась по последней моде, а ее светлые волосы всегда были уложены в прическу, столь любимую Мадонной. Лия предпочитала бриджи для верховой езды и мужские спортивные рубашки с короткими рукавами. Ее прямые черные волосы были собраны сзади в конский хвост.

Вот ее сестра Лесли была среди сверстников популярной, она все время старалась находиться в центре всеобщего внимания. Лия, в отличие от нее, не любила привлекать к себе излишнего внимания. Впрочем, у нее и не было шансов очутиться в положении популярной и гламурной.

Лесли пропала, когда Лии исполнилось всего двенадцать лет, но исчезнувшая старшая сестра с тех пор постоянно присутствовала в ее жизни, заполняя собой все свободное пространство. Каждый день все только и делали, что говорили о Лесли. Где сейчас Лесли? Кто ее похитил? Лесли жива или мертва? Каждый день был посвящен поискам Лесли.

Лия оставалась в тени. Родители почти не обращали на нее внимания, да и она старалась, как говорится, не высовываться.

– Однажды, когда я училась в пятом классе, – продолжала тем временем Венди, – мы вместе с подружкой, возвращаясь из школы, решили срезать путь и пошли через Дубовый парк. А потом этот задира Денис Фарман погнался за нами. Мы убегали и чуть не споткнулись о труп женщины.

– Господи! – вырвалось у Лии. – Как страшно!

– Да уж… Тело раздулось. Жуть, короче…

– И отчего она умерла?

– Ее укокошил серийный убийца. Потом оказалось, что он – отец моего лучшего друга.

---

[4] Дрессаж – один из классических видов конного спорта, езда по специальным программам в прямоугольном манеже.

– Серьезно?

– Да.

– Боже мой! Какой ужас!

Этот рассказ по-своему заинтересовал Лию. Конечно, то, что убили женщину и ее убийцей оказался отец друга Венди, выглядело чудовищно. Однако Лия с каким-то облегчением подумала о том, что в жизни этой девочки, как и в ее собственной, тоже произошло ужасное событие и нашлось место для кровавого безумия. Значит, не такая уж она «ненормальная», если ее подруга пережила нечто похожее.

– И как это случилось? – поинтересовалась Лия.

– Долго рассказывать, – отмахнулась Венди. – Отца Томми посадили.

– Думаю, твоему другу пришлось туго?

– Полагаю, что так… Сразу же после этого мать увезла Томми из города. Больше никто о них не слышал. Никто не знает, куда они поехали. Я какое-то время ждала, думала, что он пришлет мне открытку или позвонит, но, выходит, зря надеялась.

Венди окинула спутницу своими васильково цвета глазами.

– Ты, должно быть, часто вспоминаешь о сестре?

– Да, – ответила Лия, хотя это не совсем соответствовало истине.

На самом деле девочка всеми силами старалась не вспоминать о пропавшей сестре. Слишком уж тяжелыми были эти воспоминания. Было мучительно больно воображать, что случилось и что, возможно, прямо сейчас происходит с Лесли. Эти кошмары часто мучили Лию как во сне, так и наяву.

Иногда она воображала себе наихудшее: похитивший сестру мужчина делал с ней страшные вещи, а потом убил и выбросил ее труп. Иногда Лия представляла себе, что Лесли живет полной счастья жизнью в каком-то удивительном месте и только амнезия мешает ей вспомнить, кто она такая, и дать о себе знать.

В «мыльных операх» героини часто страдают амнезией.

Впрочем, в жизни такое случается намного реже. По крайней мере, ее мама вполне убежденно заявила, что такого в действительности не бывает и с Лесли уж точно случиться не могло.

Вдали заржала лошадь. Попрыгунья и Профессор вскинули головы и насторожились. Ранчо располагалось внизу, под ними. Оставалось четверть мили, не больше. Конная прогулка подошла к концу.

– Ты часто вспоминала о той мертвой женщине? – спросила Лия. – Тебя потом мучили кошмары?

– Иногда. А тебя?

– Тоже иногда.

– Тебе надо поговорить с Анной, – посоветовала Венди.

– А кто такая Анна?

– Анна Леоне. Она была моей учительницей в пятом классе, но сейчас работает консультантом. Анна – это то, что тебе надо. Отец Томми хотел убить ее, но Анне удалось сбежать. Она знает, как чувствуешь себя после такого. Она тебя выслушает… Сегодня Анна заедет за мной. Я познакомлю тебя с ней.

– А почему она за тобой заедет?

– Я буду сидеть с ее ребенком. Вечером Винс, ее муж, поведет Анну куда-то развеяться. Они – очень милая пара.

Девочки подъехали к конюшням. Целая свора собак разных пород, величины и окраса приветствовала их звонким лаем. Среди них были терьеры Джека Рассела, уэльские корги и австралийские пастушьи собаки. Все они весело виляли хвостами, радуясь приезду маленьких всадниц.

Ранчо семьи Грасида не представляло собой особо живописного зрелища. Открытые конюшни отличались чистотой, но имели сугубо утилитарный вид. В центре находился внутренний дворик с фонтаном посередине. С боков его обрамляли два подковообразных оштукатуренных строения. Стойла выходили во двор. В одной из конюшен держали лошадей, принадлежавших Марии и клиентам, а в другой – вышколенных для игры в поло пони Феликса.

Венди соскочила с Профессора и, лучезарно улыбнувшись, протянула повод одному из подоспевших конюхов. Лия, сойдя с Попрыгуньи, сама повела кобылу в стойло, намереваясь собственноручно почистить ее.

Лесли на ее месте, не раздумывая, передала бы повод другому. Она всю жизнь находилась в центре внимания. Она танцевала. Она пела. Она была актрисой. Лесли во всем хотела быть первой. Петь в хоре было для нее скучно. Она мечтала выступать соло. Ей мало было просто участвовать в школьном спектакле. Ей позарез требовалось играть главную роль. Кататься на лошади, как это делали ее ровесницы, для Лесли тоже было недостаточно. Она не раз говорила, что хочет играть в поло, как папа.

Лия предпочитала ухаживать за лошадьми и спокойно, вдумчиво изучать дрессаж, радуясь маленьким победам, а не красоваться на манеже. Ей нравилось петь в хоре и исполнять роли без слов в школьных постановках. Так жить спокойнее.

Стащив с кобылы седло, девочка закинула его на особые козлы. Надо будет и его протереть. Затем Лия сняла защитные чулки с ног лошади и сунула их в корзину. Позже чулки постирают. Девочка отвела кобылу в стойло. Пусть пописает и напьется, прежде чем они отправятся с ней в моечное стойло. Там ее надо будет хорошенько ополоснуть.

Людей в конюшне стало гораздо больше. Многие в это время приехали сюда после работы. У Марии сейчас по расписанию еще один урок по объездке лошади. Очередной клиент разогревал свою лошадь на широкой дорожке, опоясывающей поле для игры в поло. Феликс и еще несколько игроков гоняли там своих скакунов, отрабатывая удары клюшками по мячам.

Лия любила это время дня, когда солнце медленно опускается за багровые холмы. Спадает дневной зной, и так приятно становится на ранчо! Через час-другой прохладный морской воздух проникнет в долину. А еще через некоторое время все клиенты разъедутся, наступит тишина и лошади примутся за свой ужин.

Да, больше всего Лия любила позднее время дня, когда число лошадей в конюшне во много раз превосходит число людей. Жаль, мама не позволяет ей задерживаться на ранчо подольше. Одной из причин, по которой Лорен вообще позволила ей работать на ранчо у семьи Грасида, было то обстоятельство, что здесь весь день полным-полно людей.

Не то чтобы мама боялась, что ее дочь наделает глупостей и попадет в беду. Лорен опасалась, что беда сама найдет ее, как в свое время нашла Лесли.

Еще одно последствие похищения старшей сестры… Лия как будто стала узницей в собственном доме. Ей не разрешалось выходить из дому одной. Лорен запретила девочке самой ездить на велосипеде в город. Даже по Оулд-Мишен-роуд, на которой стоял их дом, мать не разрешала ей кататься, *особенно по Оулд-Мишен-роуд,* с ее густыми зарослями и далеко отстоящими друг от друга домами. Если злоумышленник захочет ее похитить, свидетелей может не оказаться.

Даже дома Лия практически никогда не оставалась одна. Для почти уже шестнадцатилетней девушки это создавало огромные неудобства. Большинство девочек ее возраста присматривают за маленькими детьми, зарабатывают деньги, а ее саму, словно ребенка, ни на минуту не оставляют одну. Впрочем, у тех ее ровесниц, которых она знала, никогда не было сестры, оказавшейся в руках похитителей.

– Лия! – донесся до нее голос Венди.

Пока Лия обхаживала Попрыгунью, подруга успела сбегать в комнату для отдыха и сменить одежду для верховой езды на шорты цвета хаки и лиловую мужскую рубаху с короткими рукавами и стоячим воротником. Она вела за руку темноволосую девочку лет восьми. Рядом с ними шла миловидная женщина с маленьким мальчиком на руках.

Лия заперла на щеколду двери стойла и вытерла руки о бриджи.

– Это моя *подруга* Анна, – представила женщину Венди, – а это Хейли и Энтони.

При упоминании своего имени мальчик заулыбался и задрыгал ножками. Густые темные волосы кучерявились на его головке.

Лия, окинув их взглядом, лишь несмело произнесла:

– Привет.

– Рада с тобой познакомиться, Лия, – улыбнувшись, сказала Анна. – Венди говорит, что ты недавно в наших местах.

– Мама и я переехали сюда месяц назад.

– Откуда?

– Из Санта-Барбары.

– Ты здесь завела себе много знакомых?

– Не очень.

– Вообще-то почти никого, – встряла в разговор Венди. – Она только и делает, что работает, а потом едет к себе домой.

– Может, присоединишься к нам сегодня вечером? – поинтересовалась Анна. – Мы будем есть пиццу. Мой романтический вечер накрылся медным тазом. Мужа вызвали по делам. Сейчас он на пути в Феникс.

– Винс раньше работал в ФБР, – добавила Венди. – Теперь он словно рок-звезда среди криминалистов. Он разъезжает по всему миру.

– Ух ты! – воскликнула Лия и увидела черный БМВ, заезжающий во двор.

– Ты должна с нами поехать, – настаивала Венди.

– Только мы, девочки, – уточнила Анна.

– И я, ма! – пролепетал маленький мальчик.

– И Энтони, – согласилась его мама.

– Я мальчик, – заявил ребенок.

Анна улыбнулась и поцеловала ребенка в темные волосики.

– Конечно, мальчик.

Энтони заулыбался.

– Пицца! Пицца!

Хейли, темноглазая девочка, с интересом посмотрела на Лию.

– Ты тоже умеешь ездить на лошадях?

– Да.

– На день рождения я каталась на пони.

– Присоединяйся к нам, – снова попросила Венди.

Лия пожала плечами.

– Мама приехала за мной.

– И она может поехать с нами.

Лия ничего не ответила. Венди не знала ее маму.

Приближаясь к дочери и незнакомым ей людям, Лорен Лоутон замедлила шаг. На лице женщины застыло хмурое, подозрительное выражение. Казалось, она боится, что тут ее ждет засада.

Лорен не всегда была такой. Лия помнила свою маму счастливой, бодрой и энергичной. Ее родители любили развлечения. Они часто ездили веселиться вместе со своими друзьями. Девочка помнила, как мать и отец счастливо смеялись, радуясь жизни. Впрочем, эти воспо-

минания относились к далекому прошлому. Иногда Лия сомневалась, было ли это на самом деле.

– Привет, мама, – сказала Лия, когда Лорен с видимой неохотой подошла совсем близко. – Это моя подруга Венди. Она катается у Марии по вторникам и четвергам.

Венди взмахнула рукой и вежливо произнесла:

– Здравствуйте, миссис Лоутон.

Анна радушно заулыбалась и протянула Лорен руку.

– Анна Леоне! Добро пожаловать в Оук-Кнолл. Лия сказала, что вы недавно сюда переехали.

– Да, – слегка прикоснувшись к ее руке, ответила мама Лии. – Лорен Лоутон.

Она повернулась к дочери и спросила:

– Ты уже готова?

– Надо занести упряжь. – Девочка указала в сторону подставки для седел.

– Я пригласила Лию поехать с нами. У нас сегодня по плану пицца, – снова заговорила Анна. – Моего мужа нет дома. Венди тоже к нам присоединится. Не хотите поехать с нами?

Лия исподтишка наблюдала за матерью. Она не сомневалась, что Лорен откажется, но предложение Анны Леоне явно застигло маму врасплох.

– Если у вас нет других планов, – стараясь заполнить возникшую тишину, добавила Анна.

Она опустила извивающегося сынишку на землю, и Энтони тотчас же метнулся за дворовым котом.

– Поехали, мама, – сказала Лия, закинув уздечку Попрыгуньи за плечо, – найдем хорошую пиццерию.

– Лучше, чем «У Марко», нет нигде, – заявила Венди. – У них любая начинка: сушеные томаты, артишоки, брокколи…

– Брокколи – пальчики оближешь, – состроив милую гримаску, произнесла Анна.

– Поедем, мама, – вновь попросила Лия.

Обычно она не настаивала на том, против чего возражала ее мать, которая и на этот раз явно не горела желанием провести вечер вне дома. Лия не помнила, когда они в последний раз куда-нибудь ездили. Создавалось впечатление, что происшедшее с Лесли лишило их права на радость и возможность с кем-то подружиться. Это было несправедливо.

Лорен нахмурилась.

– Но тебе надо принять душ и переодеться…

– Я приму душ в комнате для отдыха, – поднимая седло с козел, сказала Лия.

– А у меня есть запасной топик, – вставила Венди.

Все выжидательно уставились на Лорен.

– Ну ладно… Я сегодня не успела на рынок, – без боя сдалась мать Лии.

Девочка не стала испытывать выпавшую на ее долю удачу. Она развернулась и быстро направилась в помещение, где хранились седла и уздечки. Венди не отставала от нее ни на шаг.

5

– Поверить не могу, что согласилась, – промямлила Лорен.

– Если не хочешь, оставайся дома, – угрюмо произнесла Лия. – Я сама поеду с ними.

Лорен бросила хмурый взгляд на сидевшую на пассажирском месте дочь.

– Ты думаешь, я разрешу тебе поехать с людьми, которых никогда прежде не видела? С людьми, о которых я ничего не знаю? – с привычными нотками раздражения в голосе спросила мать.

– Муж Анны раньше работал в ФБР.

– Извини, но это как-то не впечатляет меня, – пробурчала Лорен, не отрывая глаз от пассажирского мини-фургона Анны Леоне, за которым они ехали.

Они направлялись в город. Женщина не смотрела по сторонам. Мимо проплыли фермы, где держали лошадей, затем – лавандовая ферма, придорожный овощной ларек, в котором, кроме всего прочего, торговали карликовыми деревцами в горшках.

– Ты знаешь, со сколькими агентами ФБР я познакомилась за четыре года? – усмехнувшись, спросила мать. – Кто-нибудь из них вернул твою сестру домой? Они что-нибудь сделали, чтобы посадить Роланда Балленкоа за решетку?

Лия не ответила. Она смотрела на свои руки, сложенные на коленях. Наконец она произнесла:

– Ты могла бы просто сказать «нет».

– Ты уже передумала? Не хочешь?

– Хочу.

– Ты не хочешь, чтобы *я* ехала?

– Не хочу, если ты собираешься испортить всем настроение.

Лорен вздохнула. Что же на это ответить? Нельзя же говорить дочери, что она места себе не находит из#за того, что сегодня в «Павильоне», как ей показалось, был Роланд Балленкоа. Как расскажешь о том, что она совсем потеряла голову и намеренно въехала в тележку постороннего человека? А потом она гналась за Балленкоа по улицам Оук-Кнолла, и копу пришлось ее остановить. Хорошо еще, что он не отобрал у нее права.

Ничего из этого не следовало говорить ее пятнадцатилетней дочери. Будучи матерью-одиночкой, Лорен считала, что должна делать вид, будто у них все в порядке. Пусть Лия поверит в иллюзию, думая, что их жизнь подчинена здравому смыслу, пусть ощутит хотя бы какую-то стабильность. Возможно, если они будут достаточно долго притворяться, что их жизнь в порядке, то со временем все действительно образуется. И даже если ей не хочется ужинать вместе с этими людьми, это в любом случае шаг вперед…

Подумай о дочери, Лорен. Она заслужила того, чтобы жить нормальной жизнью.

– Обещаю не ставить тебя в неудобное положение, – заверила она Лию.

Украдкой посмотрев на дочь, женщина заметила, что Лия не выглядит ни особенно успокоенной, ни тем более счастливой. Чувство вины на время отодвинуло все другие неприятные чувства и мысли, которые терзали сейчас Лорен.

– Я рада, что ты подружилась с Венди, – продолжила мать. – Мне кажется, она милая девочка.

На самом деле ей хотелось заявить: *«Кто, черт побери, эта Венди Морган? Кто ее родители? Каково их прошлое?»* Женщина чуть ли не молила Бога, чтобы в пиццерии подавали алкогольные напитки.

– Да, – согласилась с матерью Лия.

– Вы будете учиться в одном классе?

– Нет.

– Почему?

– Она младше меня.

– Плохо.

Не отрывая взгляда от своих коленей, девочка слегка пожала плечами. Ростом она пошла в отца. Такая же высокая и стройная фигура. Длинные, что называется, от плеч ноги. Мальчики Оук-Кнолла подобно маленьким щенкам, виляющим хвостиками, уже начали оказывать ей внимание. Это Лию совсем не радовало. Она страдала от болезненной застенчивости и в этом совсем не походила на свою старшую сестру. К пятнадцати годам Лесли научилась искусству вить из мальчиков веревки, водить их на коротком поводке, заставлять плясать под свою дудку, как послушных марионеток.

– Ты весь вечер собираешься дуться? – поинтересовалась Лорен. – Они ведут себя очень дружелюбно. Давай постараемся и произведем на этих людей хорошее впечатление.

Насупившись, Лия молча сидела рядом.

Лорен последними словами ругала себя за то, что потеряла голову в супермаркете. Если бы она купила вареную лососину и салат из орзо, то у нее нашлась бы вполне весомая отговорка и им не пришлось бы ехать сейчас в пиццерию. Да, они поехали бы прямо домой, а вечером она вольна была бы переживать и не находить себе места от волнения столько, сколько душа пожелает.

Следуя за мини-фургоном Анны Леоне, Лорен заехала на ту же автостоянку, что и днем. Судя по всему, пиццерия и «Павильон» находились на территории одного торгового центра. А вот и место ее первого за сегодняшний день «преступления».

Просто великолепно! Если ей по-настоящему «повезет», то люди, работавшие в дневную смену в супермаркете, сейчас подрабатывают по совместительству еще и в пиццерии. Остается только надеяться, что она так быстро забежала в женский туалет, что никто толком не успел разглядеть ее.

А под конец может оказаться, что Балленкоа сидит в противоположном углу зала и уплетает за обе щеки пирог с начинкой из сыра и окорока.

Женщина тяжело вздохнула и выбралась из своего БМВ. Вслед за дочерью она зашла в ресторанчик.

Лия и Венди вместе с детьми Анны Леоне направились прямиком в дальний конец ресторана, туда, где находилась игровая комната для детей. Там с полдюжины малышей лазали по детскому городку «Джунгли» или катались на аттракционах, если их родители готовы были расщедриться на лишнюю монетку. Лорен хотелось пойти за дочерью, но объяснять незнакомке свое поведение было бы невыносимо.

В ресторане «У Марко» витали ароматы итальянской кухни. Пахло томатным соусом и орегано. В убранстве интерьера использовали кирпич, диванчики, обтянутые красным кожзаменителем, и длинные «семейные» столы, расставленные на темно-зеленой мозаике кафельной плитки. На огромных телевизионных экранах в главном зале транслировали игру с участием «Лос-Анджелес Доджерс».

Здесь было многолюдно и шумно. Лорен окинула взглядом посетителей. Балленкоа нигде не было видно. Впервые за весь день она испытала явное облегчение. Наверное, нахлынувшее на нее безумие начало спадать.

– Чем вы зарабатываете на жизнь? – спросила Анна Леоне, когда они усаживались за расположенный в уголке столик.

– Я специалист по интерьеру.

– Замечательно. Вы собираетесь открыть у нас в городе магазин?

– Нет, – сказала Лорен, а потом подумала, что отвечать просто «да» или «нет» не очень-то вежливо. – Я решила немного отдохнуть от дел.

– Приятно иметь возможность ничего не делать и просто расслабляться. Летом здесь замечательно. Вскоре начнется музыкальный фестиваль, а осенью у нас будет ярмарка искусств. Впрочем, до Санта-Барбары нам далеко.

Лорен попыталась улыбнуться, прекрасно осознавая, что со стороны может показаться, будто бы ее губы свело новокаином.

– Нам нужно было изменить обстановку.

Подошла официантка с меню. Заказали напитки. Анна Леоне заказала имбирное ситро для себя и детей. Венди досталась кока-кола. Лорен тоже попросила принести кока-колу для Лии, а потом запнулась, не зная, что выбрать себе.

– Здесь подают вина из винограда, выращенного на местных виноградниках, – пришла ей на помощь Анна. – Если вы любите вино, рекомендую. Я бы сама заказала бокальчик мерло, но не могу. Пару недель назад я узнала, что второй мой ребенок на подходе.

– Второй? – удивившись, переспросила Лорен.

– Хейли мы удочерили. Закажите мерло.

– Хорошо. Мне – мерло, – сказала она официантке, почувствовав облегчение.

Затем женщина перевела взгляд на Анну.

– Я кажусь человеком, которому это нужно?

– Нет, – заверила ее собеседница, улыбаясь понимающей доброжелательной… слишком доброжелательной улыбкой.

Лорен решила, что Анна Леоне младше ее лет на десять. Впрочем, во взгляде темных глаз этой женщины читалось достигнутое дорогой ценой знание жизни. Вероятно, у нее за спиной богатое прошлое.

Лорен нашла определенное облегчение в том, что не одна она побывала в аду. Что ж, дорога в ад давным#давно проторена.

Анна заказала большой салат на стол и немного чесночного хлеба.

– Без вина я обойтись могу, а вот без чесночного хлеба – ни за что на свете, – пошутила она. – Когда подойдет время рожать, я все равно буду толстая, как дом.

Лорен хихикнула.

– А я ела мороженое с шоколадной присыпкой, ела и не могла наесться… ела, когда была беременна Лесли… С Лией – уже не то…

Воспоминание было горько-сладким. Как же она была тогда безумно счастлива! Ланс находился на седьмом небе от счастья, когда узнал, что станет отцом. Он в буквальном смысле носил Лорен на руках и исполнял любые ее прихоти.

Насколько безмерным было его счастье, когда родилась Лесли, настолько же безграничным оказалось его горе, когда он потерял дочь. Оба они словно упали с высочайшей горы в глубокую темную пропасть.

– Я знаю о похищении вашей дочери, – тихо произнесла Анна. – Венди нам рассказала, но и до того я и Винс следили за ее поисками по новостям. Я вам очень сочувствую, Лорен. Я и сама мать. Представить себе не могу, как это ужасно.

Лорен, тяжело вздохнув, отвела взгляд в сторону. Этого разговора ей не избежать, а лучше все равно не станет.

– Но я знаю, как чувствует себя жертва, – продолжала Анна. – Я помню ощущение беспомощности и гнев, которые тебя преследуют. Я работаю с группой жертв насильственных действий в женском центре Джейн Томас…

Лорен энергично замотала головой, желая прекратить все это. Как бы ей хотелось просто встать из#за стола и сбежать!

– Нет, нет и еще раз нет. Спасибо. Мне неуютно при посторонних.

– По крайней мере честно, – сказала Анна. – Я не стану настаивать. Я просто хочу, чтобы вы знали: если у вас возникнет желание с кем-то поговорить или встретиться, то не стесняйтесь, звоните мне. Вот этим я и занимаюсь.

Женщина вытащила из сумки визитную карточку и протянула через стол Лорен.

– Больше не буду об этом. Обещаю. Какую пиццу вы хотите?

Лорен, избегая смотреть собеседнице в глаза, взяла визитку и скосила на нее взгляд. Анна Леоне. Детский психолог. Консультант потерпевших от преступных действий. Назначаемый по решению суда адвокат. Короче говоря, занятая леди.

– Я не хотела бы показаться вам грубой, – промямлила Лорен.

Анна невозмутимо покачала головой.

– Вы не грубите. Вы просто стараетесь справиться с тем горем, которое на вас обрушилось. Поверьте, я вас прекрасно понимаю.

– Спасибо за предложение.

– Не за что. Поставьте, – сказала Анна официантке, принесшей напитки. – Попробуйте вино, Лорен. Если захотите, сможете заказать себе еще. Я довезу вас домой.

Лорен рассмеялась.

– Обычно врачи не рекомендуют заниматься самолечением. По крайней мере, большинство из них.

Анна пожала плечами.

– Два бокала вина никого еще не убили. К тому же я не отношусь к большинству. Мне кажется, что вы балансируете на грани. В этом нет ничего приятного.

– Трудный день выдался, – призналась Лорен.

Интересно, как отреагирует психолог на ее рассказ о сегодняшних событиях? Анна Леоне вполне может упрятать ее в обитую мягким больничную палату, причем надолго.

Лорен пригубила бокал. Вино оказалось теплым и бархатистым на вкус, пошло легко, как шелк. Женщина повернула голову и посмотрела в сторону игровой комнаты для детей. Лия и Венди смеялись над ужимками мальчика Анны, который кувыркался в россыпи больших разноцветных пластмассовых шариков.

– Мило, – сказала Лорен. – В последнее время у Лии было мало поводов для смеха.

– Неподходящий возраст для переездов, – заметила Анна. – Уверена, что она скучает по своим подругам. Хорошо, что она и Венди подружились. Венди тоже многое довелось пережить. Я была ее учительницей, когда девочка училась в пятом классе. Она и другие ученики наткнулись в парке на мертвое тело. После этого как будто открыли ящик Пандоры. Венди потеряла лучшего друга. На нее напал один из учеников. Ее родители развелись.

– Не повезло, – посочувствовала Лорен.

– Без сомнения. Детям, которым пришлось через это пройти, не позавидуешь. Все, что им нужно, – быть такими же, как их сверстники, но добиться этого им все равно не удастся. Они пережили такое, о чем другие дети не имеют ни малейшего представления.

– У меня то же самое, – призналась Лорен. – А мне сорок два года.

– Вы вступили в клуб, членом которого никто стать не хочет.

– Вступительные взносы разорительны.

– А выгод никаких, – добавила Анна.

– Можно сказать, нам посчастливилось, – произнесла Лорен, поднимая свой бокал в импровизированном тосте.

– Я считаю, что да, – заверила ее собеседница. – В противном случае я была бы давно мертва. Лучше быть живой жертвой, чем трупом. По меньшей мере есть шанс изменить жизнь к лучшему.

«*Пусть бы я умерла, а Лесли вернулась домой*», – подумала Лорен, но вслух ничего не сказала.

На сегодня откровенностей хватит.

6

– Надо отдать ей должное, – заметила детектив Таннер, – Лорен повела себя как полная сука не с самого начала. Я представить не могу, как это… твой ребенок пропал. Ты не знаешь, что с ним сталось. Ты понятия не имеешь, жив ли он, что с ним делает какой-нибудь больной извращенец. Какое тебе после этого дело до чужого мнения? Да никакого. Пошли они все куда подальше, короче говоря…

Женщина сделала большой глоток из своего стакана. Водка с тоником и три дольки лимона.

Они сидели за столиком одного из самых лучших ресторанов, расположенных на набережной Стернс. Сюда Мендеса привела Таннер. Хорошо одетая женщина в годах, сидевшая по соседству, бросила на Таннер гневный взгляд, явно шокированная ее словами. Но та лишь театрально закатила глаза.

– Я такая же, если не хуже, – призналась женщина-детектив своему собеседнику. – Если кто-нибудь посмеет хоть пальцем тронуть моего ребенка, я выпущу когти и кинусь на него, как разъяренная тигрица. Мне наплевать на того, кто встанет на моем пути. Будь я на месте Лорен Лоутон, я бы поверила в то, во что верит она. Я бы задушила этого подонка Роланда Балленкоа. Я бы отрезала ему язык, кастрировала, вырвала еще бьющееся сердце из груди козла и съела у него на глазах. Пусть, умирая, видит, как я это делаю.

– Никогда не рискну перейти вам дорогу, – усмехнувшись, произнес Мендес. – Расскажите мне о Балленкоа. Вы, я вижу, считаете его виновным в похищении.

Таннер нахмурилась. Поигрывая вилкой, она выдержала небольшую паузу и продолжила:

– Скорее всего, да. Все так тогда считали. Но у нас ничего на него не было. Никто ничего не видел. Следов девочки так и не нашли.

– У него было алиби.

– Популярное: «один дома».

– Подозреваемый был знаком с девочкой?

– Балленкоа – вольный художник. Он снимал Лесли Лоутон и многих других девочек ее возраста на улице, во время разных спортивных соревнований, на концертах. После разговора с ним мне всегда хотелось принять душ, – призналась Таннер, – но юным девушкам он нравился. В нем, по их мнению, было что-то сексуальное и страшное одновременно, нечто от рок-звезды. Юные девушки – полные дуры. Что еще хотите знать?

– Он водил их к себе домой? – спросил Мендес.

– Не знаем. Он хитрый, этот сукин сын. Балленкоа уже попадал в неприятности, и это его многому научило. Он никогда не пытался играть в старую недобрую игру «Я сделаю из тебя супермодель». Он снимал при свидетелях. Никогда ничего особо провокационного. Ничего противозаконного.

– А его привлекали?

– За совращение несовершеннолетней. Ему было девятнадцать, ей – четырнадцать. Балленкоа приговорили к двум годам. Он провел пятнадцать месяцев в Эврике.

– Вы вышли на него сразу после исчезновения девочки?

– Его имя проскальзывало в показаниях подруг Лесли, вот только ничего конкретного о нем пропавшая не говорила. Лесли приобрела несколько фотографий, сделанных во время теннисного турнира. Простые снимки – она и ее партнерша. А потом кто-то вспомнил, что видел Балленкоа и Лесли стоящими у кромки поля после матча по софтболу в тот день, когда девочка пропала. Они о чем-то разговаривали. Нам потребовалось несколько месяцев, прежде чем мы собрали достаточно информации, чтобы получить ордер на обыск.

– Вы не накопали достаточно, чтобы упечь его за решетку? – спросил Мендес. – Вы вообще что-нибудь нашли?

– К тому времени, когда мы получили ордер, у Балленкоа хватило ума избавиться от всего компрометирующего. Мы ползали по его дому, словно стая крыс. Мы нашли фотографии девочки, но он ведь профессиональный фотограф. Кроме этих снимков, было обнаружено множество других фотографий девочек, мальчиков, молодых и пожилых людей. Это ничего не доказывает. Наконец, мы обнаружили крошечное пятнышко засохшей крови под ковром в кузове автофургона.

– И?..

– И ничего. Слишком мало для анализа. Самое большее, что можно сделать, – это узнать группу крови, если повезет. Для определения ДНК не хватит. По крайней мере, пока. Если попытаться сделать это сейчас, то частичка крови будет бесполезно потеряна и мы останемся у разбитого корыта. Все, что мы можем, так это ждать. ДНК-технологии совершенствуются с каждым днем. Будем надеяться на лучшее. Возможно, через полгода или год этой частички хватит для установления ДНК. Теперь безумием было бы пытаться…

– Думаю, миссис Лоутон это не устраивает, – сказал Мендес.

– Не устраивает. Она хочет знать, принадлежит ли эта кровь ее дочери. Ей все равно, что, если это не кровь Лесли, больше тестировать будет нечего. Вот почему этого делать не следует. Если мы не припрем его к стенке по делу Лоутон, всегда остается шанс, что Балленкоа посадят за убийство другой девочки. Нельзя рисковать единственным, что у нас имеется на сегодняшний день.

– Вы заставляете несчастную женщину жить в аду.

– К сожалению, да. За прошедшие годы она очень сдала… Лоутон звонила почти каждый день. Спрашивала, что мы предпринимаем. Давала ценные указания. Выясняла, последовали ли мы совету того или другого экстрасенса. Донимала претензиями, почему мы круглосуточно не следим за Балленкоа все триста шестьдесят пять дней в году. Она и слушать не хочет о том, что у парня есть права, а наш бюджет ограничен. Лорен не понимает, что дело ее дочери не единственное, над которым мы работаем… не самое важное…

– Для нее поиски дочери важнее всего в жизни, – возразил Мендес.

Таннер развела руками.

– Я не говорю, что не сочувствую ей. Поверьте мне, сочувствую. Но вы лучше разбираетесь в сложившейся ситуации. Если мы не найдем труп и не получим какие-нибудь доказательства… если не объявится новый свидетель… если Балленкоа или кто-нибудь другой не явится в полицию с чистосердечным признанием, дело навсегда останется «глухарем». Материалы по делу будут пылиться в хранилище до конца света.

Мендес прихлебывал пиво и обдумывал услышанное. Неудивительно, что нервы Лорен Лоутон находятся в таком состоянии. Она живет почти в аду, конца этому не видно, и женщина ничего изменить не может.

– Я сегодня разговаривал с миссис Лоутон, – сообщил он, решив не рассказывать о том, как женщина с безумным блеском в глазах врезалась в его тележку для покупок. – Ей кажется, что она видела Роланда Балленкоа в Оук-Кнолле.

Таннер нахмурила брови.

– Он сейчас живет в Сан-Луис-Обиспо. Лорен Лоутон, конечно, может думать обо мне все, что ей заблагорассудится, но я не спускала с этого парня глаз.

– А местная полиция об этом знает?

– А как же! Балленкоа переехал туда года два назад. Я сразу же проинформировала местных копов об этом парне. Я не знала, что Лорен переехала в Оук-Кнолл, а то бы позвонила вам и все о ней рассказала.

Официант принес заказ. Таннер вонзила вилку в крабовый пирог с такой силой, словно он был ее врагом. Ела она с жадностью, как будто с неделю голодала.

– Удивлена, что она отсюда съехала, – приподняв голову, сказала Таннер.

Мендес пожал плечами, занятый поглощением заказанного им рыбного блюда.

– А что ее здесь удерживает? Муж мертв. Расследование исчезновения дочери зашло в тупик. Куда ни повернешься – все напоминает о постигшей ее трагедии. Зачем ей оставаться в Санта-Барбаре?

– Лорен все время носилась с мыслью о том, что Лесли каким-то чудом осталась жива. Мне казалось, что она никогда не уехала бы из своего дома, поскольку надеялась и верила, что однажды ее дочь вернется.

– Прошло четыре года, – возразил Мендес. – Возможно, Лоутон устала надеяться. Вы говорили, что случившееся имело для нее ужасные последствия. К тому же у нее есть младшая дочь, о которой нужно заботиться. Они переехали в Оук-Кнолл, чтобы быть подальше от плохих воспоминаний и начать все заново. Друзья предложили им поселиться в своем доме…

– Она этим жила, – сказала Таннер. – День за днем только тем и занималась, что искала свою дочь. Два года она чуть ли не ежедневно наведывалась в офис. Потом Лорен Лоутон появлялась у нас не реже одного раза в месяц. Она донимала прессу до тех пор, пока газетчики в очередной раз не помещали на своих страницах статью, посвященную Лесли, или брала штурмом радио и телевизионные станции ради того, чтобы те взяли у нее интервью. К сожалению, эти годы превратили ее из обеспокоенной, несчастной матери в злобную, психически неуравновешенную суку. Извините за прямоту.

Хорошо одетая женщина за соседним столиком охнула и, развернувшись на своем стуле спиной к ним, нахохлилась, став похожей на взъерошенную курицу.

Детектив Таннер посмотрела в ее сторону и заявила:

– Мэм! Если вам не нравится то, что я говорю, перестаньте подслушивать. В противном случае я буду здесь сидеть и повторять «сука, сука, сука» до тех пор, пока вы не встанете и не уйдете отсюда.

Мендес смущенно прикрыл рукой лицо. Таннер вновь повернулась к нему с таким видом, будто ничего особенного не произошло.

– Подождите, – направив на Мендеса вилку, заявила она, – пообщаетесь с ней подольше – и будете называть ее так же, особо не задумываясь.

«*Даже если проживу тысячу лет, не стану*», – подумал детектив.

Его мать всыпала бы ему по первое число, если бы он хотя бы мысленно произнес ругательство. Выругайся он вслух, его мама встанет из могилы, чтобы задать сыну трепки.

– Хотела бы я посмотреть, как вы отреагируете, когда она начнет оскорбительно отзываться по поводу ваших умственных способностей и честности, – хмыкнула Таннер. – За ней не заржавеет.

– Сегодня она показалась мне ужасно встревоженной. Представьте себе: вы переезжаете в другой город, подальше от призраков прошлого, а этот парень появляется как черт из табакерки.

– Вы его *сами* видели?

– Я его не знаю.

Нанизав на вилку большой кусок крабового пирога, Таннер другой рукой открыла одну из принесенных с собой папок.

– Тот еще придурок, – сказала женщина-детектив и подвинула к собеседнику фотографию Балленкоа. – Ему следовало бы сыграть Иуду в одном из фильмов о жизни Иисуса Христа.

Мендес взглянул на фотографию. У Балленкоа было длинное узкое лицо и большие темные глаза, угрюмо смотревшие из-под косматых бровей. Черные волосы опускались до плеч. Аккуратно подстриженные усы и козлиная бороденка. В глазах мужчины затаилась тьма. Глаза психопата. Акульи глаза.

– Сейчас ему тридцать восемь лет. Рост – шесть футов три дюйма. Вес – семьдесят пять фунтов. Худющий, словно штепсельная вилка.

Рост самого Мендеса равнялся пяти футам и одиннадцати дюймам. Единственное, что у него и Роланда Балленкоа было общим во внешности, это темные волосы и усы. И как Лорен Лоутон могла по ошибке принять его за Балленкоа в проходе супермаркета «Павильон»?

– Вы считаете, что у нее проблемы с психикой?

Таннер пожала плечами.

– Кто ее может осуждать, даже если и так? Пока Балленкоа жил в Санта-Барбаре, она жаловалась на то, что он следит за ней, но доказательств у женщины не было никаких… Ни записанного телефонного звонка, ни отпечатка пальца… Ничего.

– Она хотела упечь его за решетку.

– Очень хотела. Однажды Лорен предложила мне состряпать доказательства, чтобы засадить Балленкоа за решетку, а там хорошенько надавить и вырвать у него признание. Но это все равно ничего не дало бы. Балленкоа тот еще хмырь. Он не расколется, даже если от этого будет зависеть жизнь его матери.

– На нем что-нибудь есть? – спросил Мендес.

Покопавшись в папке, женщина выудила из нее нужные страницы.

– У него приводы за подглядывание, взломы и проникновения, совершенные в Сан-Диего. Он воровал грязное женское белье из корзин в прачечных. В свое время ему хорошенько за это накостыляли. Короче говоря, он больной извращенец. Даже если Балленкоа и не похищал Лесли Лоутон, рано или поздно он все равно кого-нибудь похитит. Лучше всего было бы выстрелить ему в голову и послать счет за пулю его семье.

– Если все было бы так просто, – хмыкнул Мендес. – Я поймал серийного убийцу… помешанного на садизме сексуального маньяка… Он получил двадцать пять лет за покушение на убийство и похищение. Окружной прокурор позволил ему обжаловать свой приговор.

– А#а#а… Тот дантист, – оживилась Таннер. – Я читала о его деле. Что за хреновина получилась?

– Не удалось привязать его к убийствам, – начал объяснять Мендес. – Никаких вещественных улик, кроме ожерелья, которое могло принадлежать или не принадлежать одной из жертв. Я уверен, что он убил по меньшей мере трех женщин, а одну превратил в слепую и глухую калеку. А мы не смогли предъявить ему обвинение в убийстве, хотя, если он не виноват, зачем, спрашивается, пытался похитить и убить женщину, нашедшую ожерелье?

– Я не понимаю, почему надо смягчать срок за покушение на убийство, – покачав головой, сказала Таннер. – Неужели так уж нужно проявлять снисхождение за то, что убийца не закончил свое черное дело? Жертва обязательно должна умереть или как? Помните дело Лоренса Синглтона? Он похитил и изнасиловал девочку-подростка, а затем отрубил ей руки топором и оставил умирать в сточной канаве вдалеке от Модесто. Ему дали четырнадцать лет, а через восемь выпустили на свободу. Просто чудо, что девочка осталась жива. Синглтону должны были дать пожизненный, а вместо этого он теперь на свободе. Рано или поздно он снова примется за старое.

– Нам повезло, что Крейн сел на четверть века, – сказал Мендес. – До этого у мужика не было приводов. Со стороны он казался вполне нормальным, даже образцовым гражданином. Женат. Есть ребенок. Мы оба понимаем, что он пробудет в тюрьме не дольше половины срока. Его обязательно выпустят за примерное поведение.

– Господи! Вот почему некоторые животные поедают свое потомство. Если бы его мать вовремя увидела в нем это…

Закончив ужин, Таннер заказала десерт и кофе.

– Вам что, в полиции недоплачивают? – поинтересовался Мендес. – Вы плохо питаетесь?

Таннер уставилась собеседнику прямо в глаза.

– Что? Я всегда люблю сытно поесть. Возможно, у нас сегодня выпадет горячий вечерок и я до завтрашнего дня не смогу перекусить. А что такое? Мендес!

– Ничего… Просто так подумал… Вспомнилось, как едят дикие животные…

– Не похожа на настоящую леди? – явно наслаждаясь назревающей ссорой, хмыкнула Таннер.

– Я этого не говорил.

– Но подумали.

Мендес промолчал.

Таннер рассмеялась. В зеленых глазах заплясали злые огоньки.

– А что стряслось с мистером Лоутоном? – спросил мужчина, когда принесли кофе.

– Авария на дороге. Неосторожное вождение. Он на большой скорости перелетел через перила моста в каньоне Коул-Спринг.

– Господи!

Этот мост тянулся над ужасно глубоким каньоном, никак не меньше тысячи двухсот футов глубиной, на дороге из Санта-Барбары в долину Санта-Инес. Головокружительная высота. Люди часто совершали здесь самоубийство.

– Машина сплющилась в лепешку, – продолжала детектив Таннер. – Он мчался со скоростью восемьдесят миль в час, если не больше… По моему скромному мнению, это не случайная авария.

– Думаете, он себя убил?

– Да. Он больше не мог жить с чувством вины. Лорен жила тем, что не давала забыть окружающим об исчезновении Лесли, она находила утешение в борьбе, а вот Ланс разваливался на части. Он не мог с этим жить.

«А оставить жену саму расхлебывать эту кашу он мог?» – нахмурившись, подумал Мендес.

Ее муж отстранился, сбежал от душевной боли, перенеся все бремя ответственности на супругу. Этого Мендес понять не мог. Теперь он не удивлялся тому, что Лорен Лоутон совсем не похожа на женщину с фотографии в ее водительских правах. Неудивительно, что она видит то, чего не видят другие.

– Вы за ним тоже присматривали? – спросил он.

– Да, конечно. Когда случается такое, обязательно надо разобраться со всеми членами семьи и их друзьями. Мы узнали, что Ланс и Лесли часто ссорились. Вечером, накануне исчезновения дочери, у них вышел грандиозный скандал.

– Из#за чего?

– Девочке исполнилось шестнадцать лет. Лесли была симпатичной, своевольной, старалась стать независимой от родителей. Она хотела поехать на машине вместе с друзьями в Сан-Франциско. Отец не позволил. Они поскандалили при свидетелях в ресторане. Их попросили оттуда уйти. Ланс был парнем вспыльчивым. Некрасивый вышел скандал. В тот день, когда похитили Лесли, у него не было алиби.

– Но ничего так и не выяснили?

– Нет, но подозрение имело свои последствия. В городе к Лансу хорошо относились, а после случившегося люди сразу же отвернулись от него. Хотя все, с кем нам удалось переговорить, в один голос утверждали, что отец в дочерях души не чаял. Просто он не мог свык-

нуться с мыслью, что его старшая дочь взрослеет. А потом, думаю, он просто не выдержал и сдался.

– Или убил дочь и не смог с этим жить? – предположил Мендес.

– А Лорен, наоборот, собрала волю в кулак. Нет никого круче, чем мать, ищущая своего ребенка. Без обид…

– Слишком много трагедий для одной семьи, – подытожил детектив. – Кто еще был под подозрением?

– Мы побеседовали со всеми, с кем общалась Лесли: с тренерами по софтболу и теннису, родителями ее подруг. Когда их попросили из ресторана, Лоутоны как раз ужинали вместе с семьей педиатра своих дочерей. Врачу тоже не понравилось поведение Лесли. Он сказал, что ей следует преподать урок.

– Ну и?..

– Алиби у него нет, но какие у старика могут быть мотивы? Если бы преступлением считалось сердиться на плохое поведение детей в ресторане, я бы сама отбывала пожизненный срок. Кент Уестин – всеми уважаемый врач. Он предложил пройти детектор лжи и прошел…

Мендес подумал, что особо обольщаться не стоит. Он был готов побиться об заклад, что, решись Питер Крейн пройти детектор лжи, он бы его прошел. Обмануть машину не составляет труда, если у тебя нет совести.

– Мы допросили всех друзей Ланса, с которыми его связывала игра в поло, – продолжала Таннер, – а также всех знакомых Лоутонов. Для семьи это тоже непросто: ставить своих приятелей в такое положение.

«Вот только буря еще не улеглась», – подумалось Мендесу.

Со дня исчезновения Лесли Лоутон прошло уже четыре года. Трудно представить, как должен чувствовать себя человек, находясь под таким психологическим давлением.

– Вы знаете, на чем сейчас ездит Балленкоа? – осведомился Мендес, подписав чек и расплатившись кредитной карточкой.

Обычно за месяц он платил за еду меньше, чем за этот ужин.

– Раньше у него был белый автомобиль-фургон без окон марки «шевроле».

Его легко можно перекрасить в коричневый цвет. Лорен Лоутон права. Люди свободно могут въезжать и выезжать из Сан-Луис-Обиспо. Маловероятно, но он все же мог очутиться сегодня в Оук-Кнолле.

Опираясь на сведения, полученные от детектива Таннер, а также на собственные наблюдения, более вероятным представлялось, впрочем, то, что Лорен, видимо, время от времени страдает галлюцинациями. Ей попросту хочется избавления от вечно мучающего ее кошмара.

– Можно получить копию этой папки? – спросил Мендес, когда они вышли из ресторана.

Вдоль набережной прогуливались туристы, заходили в магазины, ужинали. На парковой скамейке сидел саксофонист, наигрывая джазовые мотивы. На расстоянии нескольких сотен ярдов от побережья три большие яхты бросили на ночь якорь. Солнце на горизонте, коснувшись моря, превратилось в горячую оранжевую лужу.

– Это и есть копия, – протягивая Мендесу папку, сказала Таннер. – Можете взять.

– Спасибо.

– Без проблем. Благодарю за ужин.

– Не за что.

– Надеюсь, на пару дней вам чтения хватит.

Женщина глянула на мужчину и рассмеялась. Мендеса поразили ее непосредственность и красота.

– Всего хорошего, Мендес! – сказала Таннер, когда они подошли к своим машинам. – Желаю удачи с вашей новой жительницей, вот только повторяю: лучше вы, чем я!

7

Лесли только что исполнилось шестнадцать лет. Волшебный возраст, когда мы все верим, что знаем больше родителей и с нами должны обращаться как со взрослыми. Лесли достигла возраста, когда уже можно получить водительские права, но дочь по-прежнему спала в кровати с мягкими игрушками. Она достигла возраста, когда могла бы найти себе работу, но, каждый раз идя в кино, Лесли просила денег у своего отца.

То было время бесконечных противоречий между ней, мною и Лансом. Мы гордились Лесли, видя, в какую юную леди превращается наша маленькая девочка, но боялись за нее. Мы боялись всех тех соблазнов, которые открывались перед ней… Наркотики… Алкоголь… Сексуально озабоченные мальчики… Все те опасности, которые поджидают неопытного водителя на калифорнийских автомагистралях… Опасности, которые возникают из#за желания быть не хуже, чем все.

Об опасностях, связанных с общением с незнакомыми людьми, мы рассказывали Лесли еще с тех пор, когда она была совсем маленькой. Мы старались быть бдительными, но на самом деле никогда не верили в возможность такого.

Мы жили на территории охраняемого жилого массива. Охрана следила за всеми входящими и выходящими. Мы жили в городе с низкой преступностью и высоким уровнем жизни. Наши девочки ходили в лучшие частные школы, где все друг друга знают, а родители дружат или хотя бы являются хорошими знакомыми. Все мы жили в благословенном мыльном пузыре ложного чувства безопасности. Все мы выискивали чудовищ, скрывающихся в тенях, но при этом не замечали змей, притаившихся в траве.

Неделя перед похищением выдалась особенно трудной. До окончания школы осталось всего ничего. Скоро летние каникулы. Кто-то из старших друзей Лесли предложил прокатиться на машинах вдоль побережья к Сан-Франциско. Поездка должна была занять неделю. Лесли хотела поехать с ними. Ни я, ни Ланс не считали возможным позволить шестнадцатилетней девочке разъезжать по дорогам в компании старшеклассников. Это прямой путь к несчастью. Конечно, мы знали, что ее друзья – дети из хороших семей, но дети остаются детьми. Они не вышли из того возраста, в котором уже забывают о фальшивых удостоверениях личности и не интересуются «веселящими» таблетками. Риск был слишком велик.

Лесли наш отказ, мягко говоря, не обрадовал. Она плакала, дулась, а иногда кричала на нас. Дочь исполняла старую-престарую песню бунтующего подростка. Мы ей не доверяем. Мы относимся к ней так, словно она до сих пор маленький ребенок. Родители ее друзей куда «клевее» нас. Я и Ланс не поддались на шантаж. Но мужу пришлось несладко.

Ланс и Лесли были два сапога пара. Дочь унаследовала тягу отца к авантюрам, его упрямый, независимый характер. Они были очень близки, поэтому Лансу с трудом далось это решение. Отказав дочери в просьбе, муж больше всего переживал из#за того, что он лишился ее благосклонности. Для нее Ланс всегда был «клевым папой», и этим высоким званием муж очень дорожил. Чувство неуверенности вступило в острое противоречие с родительским авторитетом.

Вечером накануне исчезновения нашей дочери мой муж находился в крайне раздраженном состоянии. Мы должны были встретиться и поужинать с нашими друзьями.

Семью Уестин – Кента и Джини, а также их детей Сэма и Келли – мы знаем еще с тех пор, когда Лесли ходила в детский сад. Сэм – ровесник Лесли. Келли – лучшая подружка Лии. Кент являлся педиатром наших дочерей. Каждое лето он, Ланс и еще несколько общих друзей отправлялись на рыбалку в открытое море, которая обычно продолжалась неделю.

Мы собирались совместно отпраздновать день рождения Лесли и Келли. Лесли не хотела идти. Она хотела остаться дома, дуться на нас и часами напролет жаловаться по телефону своим подружкам, какие жестокие и ужасные ее родители. Ланс и я настояли на своем. Ужин был устроен частично в ее честь. У наших семей это стало традицией. Она должна была поехать с нами и вести себя «цивилизованно».

Ссора между Лесли и Лансом возникла, когда мы начали собираться в ресторан, и продолжилась в машине. Дочь язвила отцу, то и дело переходя на оскорбительный тон. Лесли заявила, что все это совместное празднование – полная глупость, что она выросла из таких глупостей. Уестины ей не нравятся. По ее мнению, доктор Уестин не совсем нормален, а Сэм – обычный «ботаник».

Сидевшая на заднем сиденье Лия, наша пай-девочка, приняла сторону отца. Лесли на нее вызверилась. Лия расплакалась. Следовало бы отказаться от намеченного и вернуться домой, но мы уже слишком далеко зашли, чтобы прислушаться к голосу разума.

За ужином настроение у всех было мерзкое. Сидеть за одним столом с обиженным подростком – это все равно что иметь под боком полтергейст. Никто не знал, как себя вести. Пытались вовлечь Лесли в общую беседу и поднять ей настроение, но ничего из этого не вышло. Девочка отвечала односложно, постоянно закатывала глаза и тоскливо вздыхала. Попытались не обращать на нее внимания, но это оказалось так же сложно, как не замечать гориллу в одной с тобой комнате.

Весь вечер Лесли и Ланс обменивались колкостями и плохо скрываемыми недовольными взглядами. Я видела, что у мужа вот-вот лопнет терпение, а Лесли вела себя все более вызывающе.

Еще одна саркастическая реплика – и доигрались.

Ланс взорвался, как Кракатау[5]*. Дочь не осталась в долгу. Нас попросили покинуть ресторан.*

Лия снова расплакалась. Уестины не знали, как им себя вести. Кент произнес несколько резких слов в адрес Лесли. Мы чувствовали себя униженными собственной дочерью. На шее мужа вздулась вена. Я испугалась, что его хватит удар. Даже без стресса Ланс страдал от повышенного кровяного давления. Его лицо и шея побагровели.

Когда мы вернулись домой, Ланс пошел в комнату Лесли и вырвал телефонный шнур из разъема. Забрав телефонный аппарат, он перешел на крик, пообещав Лесли, что если она осмелится сделать хотя бы шаг за порог, то весь месяц будет под домашним арестом.

Я отправилась в комнату Лии, чтобы утешить ее. Я сказала младшей дочери, что завтра все будет в порядке. Я решила, что Лесли надо на время оставить в покое.

А на следующий день Лесли тайком выбралась из дома и пошла на матч по софтболу.

Обратно она не вернулась.

*** * ***

Как всегда, слезы заструились по щекам неиссякаемыми потоками. Лорен закрыла лицо руками и постаралась плакать молча.

На часах было сорок пять минут второго ночи. Лия спала в своей комнате.

Душевная боль никогда не унималась… никогда… Каждый раз рана оказывалась такой же кровоточащей, как и в самый первый раз.

Люди часто пытались утешить Лорен, говоря, что со временем боль пройдет, что время лечит любые раны. Люди, верившие в это, никогда сами не испытывали подобной душевной

[5] Кракатáу – действующий вулкан в Индонезии. До извержения 1883 года вулкан был значительно выше и представлял собой один большой остров, однако мощнейшее извержение его разрушило.

боли. Эта боль была похожа на инородное существо, живущее у нее в груди. Оно постоянно напоминало о себе, неистово дергалось и… не давало умереть… А хотелось бы умереть…

Она плакала… плакала… плакала… Женщина постаралась заглушить рыдания, рвущиеся из груди. Лорен не хотела, чтобы Лия услышала, как она плачет. Она должна быть как скала, за которую младшая дочь всегда может спрятаться. Ей ни в коем случае нельзя расклеиваться!

Женщина схватила несколько бумажных салфеток «клинекс» и высморкалась. Затем она взяла со стола стакан с водкой и стала пить ее, словно это была вода.

Алкоголь не сразу ей помог.

Лорен выпила все до дна, но чувство вины, отчаяние, страх за Лесли и Лию, страх за себя не покидали ее. Женщине казалось, что чья-то огромная рука раздробила ей ребра и теперь рвет в клочья сердце.

Все, что ей оставалось, – это ждать прихода спасительного оцепенения.

8

– Тебе нельзя никуда идти, Лесли, – сказала Лия. – Папа запретил тебе выходить из дома. Я слышала, что ты наказана. Думаю, даже соседи это слышали. Все в городе уже знают о том, что тебя наказали.

Лесли, прихорашиваясь перед зеркалом в ванной комнате, бросила на младшую сестру косой взгляд.

– Папы сейчас здесь нет, – заявила она, – мамы тоже. Они не узнают.

– Я здесь, – возразила Лия. – Я узнаю.

Лесли закатила глаза.

– Почему ты такая правильная? Просто мисс Паинька Две Туфельки[6]*. Я иду на матч по софтболу. Кому какое* дело?

– Тебя наказали, – повторила Лия, не понимая, почему старшая сестра не видит в своем поведении ничего особенного.

Ее никогда не наказывали, не заставляли сидеть дома. Лия никогда не задумывалась над тем, как бы она себя вела, окажись наказанной. Чтобы быть наказанной, надо нарушать правила. Если будешь нарушать правила, мама и папа в тебе разочаруются. Лия не хотела, чтобы ее родители в ней разочаровывались.

Лесли зевнула.

– Ты еще ребенок, Лия. Конца света не будет, если ты нарушишь какое-нибудь глупое правило. Ну и что, что папа на меня рассердился? Он посердится, а потом пересердится.

Лия нахмурилась, выражая тем самым свое неудовольствие, но при этом благоразумно наклонила голову так, чтобы старшая сестра этого не увидела. Лия не любила огорчать не только родителей, но и сестру.

– Ты ведь никому не скажешь? – спросила Лесли.

Старшая сестра оценивающе разглядывала свое отражение в зеркале. Она со всей тщательностью оделась в шорты цвета хаки, пенни-лоуферы и легкий, несколько мешковатый черный свитер с открытыми плечами поверх ярко-розовой майки с круглым вырезом. Девочка расчесала свои длинные черные волосы и стянула их сзади в конский хвост розовой вязаной резинкой. Челка обрамляла большие голубые глаза.

Лия молчала.

– Ты еще ребенок, – констатировала Лесли. – Я буду дома раньше, чем они вернутся домой.

Провожая старшую сестру, которая уезжала от дома на своем велосипеде, Лия в глубине души надеялась, что Лесли опоздает. Пусть опоздает к ужину на несколько часов. Пусть попадет еще в бóльшие неприятности, чем сейчас.

Лесли становилась все меньше и меньше, пока не скрылась из виду.

Домой она не вернулась.

*** * ***

Лия приподнялась в кровати, жадно хватая ртом воздух. Сегодня, как, впрочем, и в другие ночи, она оставила свет включенным. В детстве Лия никогда не боялась темноты. Теперь она ее боялась из#за снов, которые приходили вместе с ней.

---

[6] Аллюзия на детскую книгу нравоучительного содержания «История маленькой Паиньки Две Туфельки» (1765) Джона Ньюбери.

Слезы катились по ее лицу. Девочка, согнув ноги в коленях, прижала их к груди и стянула одеяло к подбородку. Чувство вины было подобно куску, застрявшему у нее в горле.

Лия понимала, что она не желала сестре зла, но избавиться от душевных терзаний не могла. Сейчас ей исполнилось почти столько же, сколько было Лесли в тот страшный день, но после ночного кошмара она чувствовала себя ребенком, не старше той девчонки, с которой навсегда распрощалась старшая сестра.

Ей ужасно хотелось поплакать, но не в одиночестве. Плакать в одиночестве – последнее дело. После этого всегда впадаешь в черную тоску, чувствуешь себя опустошенной и всеми покинутой, кажется, будто бы земля под ногами открылась и ты падаешь в черную бездонную дыру.

Если бы папа был жив, она бы сейчас пошла к нему, попросила обнять и успокоить ее, но с мамой Лия общаться не хотела. Оба ее родителя страдали после исчезновения Лесли, вот только страдание это по-разному в них проявлялось.

Папа ходил грустным и потерянным, а мама не находила себе места от злости и обиды. Мама боролась с болью, а папа дал горю постепенно себя сломать. Иногда Лия сердилась на папу за то, что он сдался и оставил их. Почему он не подумал о том, что его младшая дочь достойна того, чтобы продолжать жить ради нее? Любил ли он Лесли так сильно, что не представлял себе жизни без нее?

Слезы дрожали на кончиках ее ресниц. Лия чувствовал себя такой одинокой! Ей не хотелось идти к матери, но девочка все же встала с постели и вышла в коридор. Из кабинета, в котором Лорен работала над книгой, лился свет. Медленно, с видимой неохотой девочка направилась к двери. Она вся напряглась, стараясь ступать как можно бесшумнее.

Подойдя к двери, она остановилась и затаила дыхание. Девочке не хотелось стучать. Ей не хотелось ничего говорить. Лия изо всех сил старалась не расплакаться. Казалось, еще немного – и слезы потекут из глаз. Что ей сейчас на самом деле хотелось, так это чтобы мама пришла к ней в спальню, узнала, как она, и обняла ее… Но этому не бывать… этого никогда не случится…

Горькая обида и отчаяние навалились на девочку с новой силой. Лия услышала, как за дверью плачет мама. Она, как и дочь, старалась заглушить рыдания. Слезы побежали по щекам девочки.

Лия прислонилась к стене, задрала на себе футболку и, прикрыв лицо тканью, расплакалась.

Она не может идти к маме. У нее свое горе, свое чувство вины, своя собственная борьба с отчаянием. Лия не должна взваливать на плечи мамы еще больше ответственности.

Она хотела бы поделиться с Лорен своим горем, но не имела на это права.

Помедлив, девочка на цыпочках вернулась к себе в спальню. Схватив с кровати подушку, Лия свернулась калачиком на стоящем у окна мягком стуле и дала волю горю. Чтобы заглушить плач, она рыдала в подушку.

Лия оплакивала себя, свое одиночество, чувство своей никчемности и бесполезности. Она оплакивала отца, который ее покинул, и сестру, которая ушла от них навсегда. Она плакала от горя, боли и гнева. Чувства были настолько сильными и всепобеждающими, что они одновременно сломали и заполнили ее. Давление изнутри казалось невыносимым, и Лия не знала, что делать. Иногда у нее возникало ощущение, причем довольно часто, что она может умереть от этого.

Отчаянно желая положить этому конец, Лия отбросила подушку в сторону и выдвинула ящик ночного столика, в котором лежала книга в мягкой обложке. Вот уже почти два года она притворялась, что читает эту книгу. Схватив ее, Лия бросилась в ванную комнату. Там, сев на край ванны, она приспустила свои пижамные штаны.

Тонкие, темные, уродливые на вид шрамы длиной в дюймы шли горизонтальными линиями вдоль низа ее гладкого, мягкого на ощупь живота. Каждый шрам полностью повторял очертания других. Шрамов было много. Одни давно уже зарубцевались, другие были свежими, третьи успели зажить, но их недавно снова углубили. Лия уже сбилась со счета, пытаясь пересчитать свои шрамы.

Между страницами книги она прятала лезвие бритвы. Лия осторожно взяла его, зажав между большим и указательным пальцами. Предвкушение облегчения, которое принесет ей боль, сразу же успокоило девочку. Она задышала ровнее, ловя взглядом отражающийся от стали блеск. Сердце забилось спокойнее в груди. Прижав кромку лезвия к животу, она нанесла очередную рану.

Боль была сильной и отрезвляющей. Девочка как завороженная наблюдала за тем, как из раны засочилась алая кровь. Казалось, вместе с ней из ее тела сочится душевная боль. Страшная сила, еще минуту назад сдавливавшая ей грудь, куда-то исчезла, словно воздух из проткнутого шарика.

Облегчение было неимоверным. Девочка почувствовала слабость и легкое головокружение. Она тяжело дышала, словно только что участвовала в спринте.

К сожалению, как всегда, это облегчение оказалось недолговечным. После странной, хорошо знакомой ей по прошлому эйфории пришли стыд и отвращение.

Что с ней такое? Почему она занимается этой мерзостью? Если кто-нибудь об этом узнает, люди решат, что она больная на голову. О маме и говорить нечего. Лия даже представить себе не могла, что произойдет с мамой, узнай она о том, что делает ее дочь.

Впрочем, несмотря на чувство стыда, девочка понимала, что будет повторять это снова и снова… Ощущение пустоты и отвращение к самой себе, которые следовали после нанесения раны лезвием бритвы, были ничем по сравнению с теми ужасными терзаниями, которые доводили ее до этого.

Чувствуя полный упадок сил, Лия промыла рану и залепила ее медицинским пластырем. Смыв кровь с лезвия, она снова спрятала его между страницами книги. Затем девочка вернулась в кровать, легла, свернувшись калачиком, обняла подушку так, словно это был плюшевый мишка, и попыталась заснуть.

9

Роланд Балленкоа любил работать по ночам. Ночью все кажется каким-то особенно таинственным. Мир уже не настолько переполнен людьми. Чем меньше людей суетится в потоках жизненной энергии, тем больше для него останется. Ночью Балленкоа чувствовал себя сильнее и куда могущественнее, чем днем.

Ночью весь мир превращался в его темную лабораторию. Накануне вечером он несколько часов проявлял пленку, которую отснял за день, а затем наступало время прогулки, во время которой его глаза заменяли ему объектив фотоаппарата.

Ночь выдалась прохладной. Балленкоа порадовался тому, что, выходя из дома, он накинул на себя темную толстовку с капюшоном. Сев в свой автофургон, мужчина проехал несколько кварталов до того места, где побывал днем. В некоторых окнах расположенных возле колледжа домов, несмотря на поздний час, до сих пор горел свет, зато уличные фонари уже погасли. Роланд остановил машину у бровки тротуара в одном из переулков и выбрался наружу.

Ночные прогулки нравились ему. Мужчина с удовольствием разглядывал архитектуру встречающихся на его пути зданий. Эта часть города представляла собой мешанину разнообразных стилей. Попадались дома, выдержанные в викторианском стиле, а также в стиле испанского барокко и крафтсмен[7]. Их строили здесь в конце двадцатых и начале тридцатых годов. В пятидесятые предпочитали странные, в стиле ранчо дома, которые совсем не гармонировали с окружающим их архитектурным ансамблем.

Здесь росли высокие деревья и густые живые изгороди. Здесь легко было следить за кем-то, оставаясь незамеченным. Здесь он мог передвигаться, не привлекая излишнего внимания. Для наблюдателя это то, что нужно.

Роланд уже приезжал сюда днем сегодня и позавчера. Припарковав свой автофургон у тротуара, он наблюдал за сновавшими туда-сюда людьми. Большинство из них составляли студентки, многие даже очень симпатичные.

В этом отношении Мак-Астерский колледж был уникален. Летом здесь было не менее оживленно, чем во время учебного года. Славившийся своими музыкальными традициями Мак-Астерский колледж принимал у себя каждое лето фестиваль, на который съезжались люди в буквальном смысле со всего света. Многие знаменитые исполнители классической музыки приезжали по этому случаю в Оук-Кнолл, а потом оставались на время, работая по программам летнего обучения.

Наблюдая за жителями этого переулка, Роланд Балленкоа пришел к выводу, что во многих здешних домах живут студенты. Так, к примеру, вон в том большом угловом доме в викторианском стиле обитает женское общество.

Сойдя с тротуара, мужчина накинул на голову капюшон и зашагал по аллее.

С тыльной стороны строения не было ни забора, ни калитки. Кусты живой изгороди создавали ощущение приватности, но кончались у подъездной дорожки, которая вела к большому гаражу, теперь переоборудованному в огромную прачечную, обслуживающую обитательниц дома.

Боковая дверь не заперта. Свет нигде не горит. Не слышно шума стиральных и сушильных машин. Роланд проник внутрь прачечной и вытащил из кармана электрический фонарик. Пятно бледно-желтого света вырвало из тьмы две стиралки, две сушилки и два длинных стола из нержавеющей стали в центре помещения для сортировки и складывания белья.

---

[7] Крафтсмен – возникший в конце XIX века в США архитектурный и декоративный стиль.

На столе стояла бельевая корзина с выстиранными и высушенными, но не сложенными полотенцами. На полу возле одной из стиральных машин лежал целлофановый пакет с бельем для стирки. На нем несмываемым маркером было написано «Рэни Паквин».

Схватив пакет, мужчина уселся на одном из разномастных мягких стульев, выстроенных в ряд у стены в конце комнаты. Зажав фонарик зубами, он открыл пакет и принялся рыться в грязном белье.

Футболки, шорты цвета хаки, джинсы, белая теннисная форма… На дне он нашел то, что искал: несколько малюсеньких шелковых трусиков. Джекпот.

Выключив фонарик, Роланд сунул его обратно в карман толстовки. Выбрав трусики по вкусу, мужчина зарылся в них лицом и глубоко вдохнул, желая почувствовать запах девушки. Затем он провел шелком по лицу и, найдя то место, которое должно было касаться девичьей промежности, прижал его к носу и рту. Свободной рукой мужчина расстегнул молнию на джинсах, схватил свою напряженную плоть и, обернув ее другими трусиками, начал себя ласкать.

Запах был для него небом и адом, удовольствием и мучением, сущей отравой… Он проник ему прямо в голову. Роланд полизал ткань, а потом попробовал ее на вкус. Лаская свой член, он принялся сосать шелк. Вскоре все его тело напряглось, Роланд застонал и кончил прямо на зажатые в кулаке трусики.

На минуту он позволил себе расслабиться, откинувшись на спинку стула. В нос ударил запах собственного пота и спермы. Несмотря на эйфорию, он чувствовал себя очень слабым и опустошенным.

После нескольких секунд блаженства Балленкоа вытерся женскими трусами, а затем запихнул их как можно глубже в пакет с грязным бельем Рэни Паквин, запрятав в комке лифчиков и другого нижнего белья. Оставшиеся женские трусики он засунул себе в расстегнутую ширинку.

Довольный собой, Роланд Балленкоа выбрался из гаража, прошелся обратно по переулку к автофургону и поехал домой. Ему еще предстоит сегодня поработать.

10

– Если парень здесь, мы должны это знать, – сказал Мендес.

Он сидел в кабинете босса. Шерифу Колу Диксону исполнилось шестьдесят, но он до сих пор выглядел вполне подтянутым, щеголяя в своей накрахмаленной и тщательно выглаженной униформе. Шесть дней в неделю он бегал, поднимал тяжести, плавал так, словно собирался вступать в морскую пехоту. Казалось, шериф Диксон был выкован из стали.

Именно он устроил Мендеса в управление и настоял на том, чтобы послать многообещающего сотрудника в Национальную академию ФБР. Мендес очень уважал этого человека и считал большой удачей тот факт, что мог назвать Кола Диксона не только своим боссом, но и учителем и другом.

Имея за спиной удачную карьеру детектива в окружном управлении шерифа Лос-Анджелеса, Кол Диксон воспользовался выпавшим шансом и, перебравшись в Оук-Кнолл, стал сам себе хозяином. Он был хорошим шерифом. Его уважали как простые граждане, так и полицейские. Будучи по натуре детективом, он так организовал дело, что большинство административной работы выполнял его заместитель, а сам Диксон непосредственно руководил детективным отделом.

Мендес принес кофе и начал рабочий день с того, что рассказал Диксону о Лорен Лоутон, Роланде Балленкоа и своем «блистательном» вечере в Санта-Барбаре с Дэнни Таннер.

– Я позвонил в полицейское управление Сан-Луиса, – сказал Мендес. – У них должно быть досье на Балленкоа.

– На человека, которому так и не выдвинули официального обвинения?

– У копов Санта-Барбары не хватило доказательств, чтобы его арестовать.

– У них вообще ничего не было, – заявил Диксон.

– Было вполне достаточно, чтобы сделать его подозреваемым, – заметил Мендес. – Местные копы до сих пор не сбросили его со счетов. У них есть немного засохшей крови, и они ждут того времени, когда методы определения ДНК немного усовершенствуются. Образец слишком мал, чтобы можно было сейчас им рисковать.

Он читал о развитии новейших технологий по работе с мельчайшими образчиками ДНК, благодаря которым специалисты, имея на руках даже минимум материала, могли получить всю необходимую информацию. К сожалению, эти технологии были пока недоступны органам правопорядка.

Диксон нахмурился, и его голубые глаза сверкнули из-под серебристых бровей. Мендесу иногда казалось, что глаза шерифа могут испускать лазерные лучи, которые, если он захочет, прожгут сталь.

– Им интересовались четыре года назад, и тогда он был не в нашей юрисдикции, – сказал шериф. – Принимая к сведению тот факт, что Балленкоа до сих пор на свободе, будем считать, что он ничего противозаконного не совершил.

– Будем считать, – согласился с ним Мендес, – но я не люблю совпадений. Если Балленкоа появился в городе, в котором сейчас живет Лоутон, то… Короче, мне это не нравится. Лоутон обвиняла мужчину в том, что он преследовал ее в Санта-Барбаре.

– Но детектив сказала, что у нее не было доказательств, – заметил Диксон.

– Быть может, он – ловкий проходимец, – предположил его собеседник. – Лоутон и ее дочь переехали сюда месяц назад. Если Балленкоа появился в городе после этого, стоит задуматься…

– Если… – хмыкнул Диксон.

Он уперся локтями в безукоризненно чистый журнал регистрации и зевнул. Мендес понимал, что сейчас в голове у шефа поворачиваются колесики, отмеряя все «за» и «против».

– У нас есть вполне реальные преступления, которые надо расследовать.

Мендес почесал затылок и пожал плечами.

– Я могу работать в более плотном режиме. Все эти взломы с проникновениями – полные глухари. У нас нет отпечатков пальцев и свидетелей. Во всех трех местах мы не обнаружили ничего стоящего. Короче говоря, это преступления, которых словно и не было.

– Взлом и незаконное проникновение уже само по себе преступление, – напомнил ему Диксон.

– Я понимаю, но, скорее всего, это просто детские шалости, а не настоящие преступления.

– До тех пор, пока кто-нибудь не вступит с этими шалопаями в открытое противостояние и у одного из них не окажется ножа или пистолета. Тогда мы будем иметь вооруженное нападение или убийство.

– Это как раз то, что может произойти с Лорен Лоутон и Роландом Балленкоа, – возвратился к прежнему Мендес. – Это преступление ждет своего часа, чтобы свалиться на наши головы. Лесли Лоутон ушла из дома и не вернулась. Если Балленкоа имеет отношение к ее исчезновению (а копы Санта-Барбары склоняются к этому), если он сейчас рыскает по Оук-Кноллу, то, спрашивается, не охотится ли он за младшей сестрой? Не будет ли он преследовать мать девочки? Не считает ли он все это игрой? Не должны ли мы помешать этой игре, пока никто не пострадал?

– Ладно, – неохотно кивнув, согласился Диксон. – Верно. Ты и Билл займетесь этим, но не в ущерб вашим прямым обязанностям. Похищением девочки мы заниматься не будем, Тони. Это не в нашей юрисдикции.

– Понятно, – сказал Мендес и, поднявшись со своего места, направился к двери. – Я лишь хочу предотвратить следующее преступление.

* * *

– Старик, я и сам не знаю, как бы повел себя, если бы кто-то похитил одного из моих детей.

Билл Хикс сидел на пассажирском сиденье, поедая «походную смесь»[8]. Машина мчалась на север по сто первому шоссе. Рыжий, высокого роста, очень худой, Хикс был на несколько лет старше Мендеса и имел жену и трех рыжеволосых дочерей.

– Ты бы выследил подонка и накормил его свинцом, да? – предположил Мендес.

– Да. Думаю, да.

– Мне кажется, что единственная причина, по которой Лорен Лоутон этого не сделала, заключается в том, что у нее нет пистолета.

– Возможно, она нуждается в правосудии, а не мести.

– Месть и есть правосудие, – сказал Мендес. – Око за око, как говорится, старик.

– Убив его, она разрушила бы тем самым и свою жизнь, – возразил Хикс. – Женщина закончила бы свои дни в тюрьме, а оставшаяся без родителей дочь стала сиротой: отец мертв, мать получила пожизненный срок за убийство.

– Надеюсь, у нас все выйдет. Если Балленкоа до сих пор не оставил эту семью в покое, то их впереди может ожидать настоящий ад.

[8] «Походная смесь» – легкая закуска для походов, содержащая орехи, сухофрукты, арахис и кишмиш.

– По-моему, с его стороны будет ужасной глупостью связываться с Лоутонами, – высказал свое мнение Хикс. – Сейчас он свободный человек. Зачем ворошить палкой рой шершней?

– Ты не хуже меня знаешь этих парней. Они поведены на своих извращениях. Их мозги работают не так, как у меня или у тебя. Они получают удовольствие, играя с огнем.

– Полицейские Санта-Барбары еще кого-нибудь подозревали? – спросил Хикс.

– Некоторое время они наблюдали за отцом девочки, но ничего из этого не вышло.

– Он же покончил жизнь самоубийством. Не исключено, что именно чувство вины толкнуло его на этот шаг.

– Не исключено, – согласился с товарищем Мендес. – Или горе.

– А может, и то, и другое?

– Или ни то, ни другое.

* * *

Сан-Луис-Обиспо во многом был похож на Оук-Кнолл. В городе жили от тридцати пяти до сорока тысяч жителей, не считая студентов. Здесь располагался престижный университет Кол-Поули. Подобно Оук-Кноллу, город возник на месте испанской миссии Сан-Луис-Обиспо-де#Толоса, основанной в 1772 году. Так же, как и расположенный между двумя горными грядами Оук-Кнолл, этот город с востока обрамляли горы Санта-Лучия, а с запада тянулся хребет Моррос. Вокруг городка раскинулись виноградники и фермы. В центре города находился современный торговый центр с бутиками, ресторанами, кафе и художественными галереями.

В отличие от Оук-Кнолла, который заключил договор с управлением шерифа, Сан-Луис-Обиспо имел собственную полицию. Впрочем, поговаривали, что с ростом населения в городе все может измениться.

Управление полиции Сан-Луис-Обиспо занимало одноэтажное здание недалеко от сто первого шоссе, на пересечении улиц Санта-Роза и Уолнат. Здесь работало около сотни человек. Шестьдесят из них составляли приведенные к присяге офицеры полиции. Детективов было только восемь. Двое расследовали преступления, совершенные против собственности, трое – преступления, в которых пострадали люди, остальные занимались другими делами.

Мендес и Хикс направились прямо в приемную. Там их попросили немного подождать, пока нужный им человек не освободится.

Детектив Рон Нери, низкорослый мужчина средних лет, был одет в настолько помятую форму, что создавалось впечатление, будто совсем недавно он побывал в крупной переделке. В приемную он вошел, держа в руках распахнутую папку с бумагами. Длинные штанины брюк детектива касались пола.

– Тони Мендес, – представился приезжий, протягивая Нери руку. – А это мой напарник Билл Хикс.

Нери пожал протянутую руку, при этом чуть было не выпустив из своих рук папку.

– Рон Нери. Идите за мной.

Они прошли в комнату для допросов. Нери кивнул им на свободные стулья. Казалось, он настолько увлекся содержанием папки, что у него не было времени даже взглянуть в их сторону.

– Чем могу помочь?

– Мы хотим знать все о Роланде Балленкоа, – сказал Мендес. – Я оставлял для вас сообщение. Мы из Оук-Кнолла.

– А#а#а… да… – пробормотал Нери. – Я собирался вам перезвонить… Я вам звонил?

Мендес бросил на Хикса многозначительный взгляд, словно говоря ему: «Ты можешь в это поверить?» Нери напоминал ему ухудшенную версию детектива Коломбо.

– Вообще-то нет, – ответил Мендес. – Ладно, это неважно. Я бы в любом случае приехал к вам. Вы в последнее время видели Балленкоа?

– Балленкоа… – хмыкнул Нери. – Хотелось бы никогда о нем не слышать.

– С ним были проблемы? – поинтересовался Мендес, чувствуя, как слабый заряд электричества пронизывает все его тело, что случалось всякий раз, когда у него появлялось ощущение, что он вышел на след.

Нери закатил глаза.

– Проблема не в нем, а в той женщине.

– Вы имеете в виду миссис Лоутон?

– Я понимаю, почему она хочет голову этого парня, но при чем тут я? Не могу же я взмахом волшебной палочки заставить его совершить какое-нибудь преступление, за которое его посадят всерьез и надолго! Или я должен вытащить ее пропавшего ребенка у себя из одного места?

– Вижу, вы преисполнены сочувствия к ее горю, – съязвил Мендес.

– Послушайте, – возразил Нери, – я не злой человек. Я понимаю, что на их семью обрушилось огромное горе, но полиция Санта-Барбары не смогла установить связь Балленкоа с этим преступлением. Они могут думать все, что им заблагорассудится, но правда состоит в том, что у них ни хрена на него нет. У нас, кстати, тоже. Что, спрашивается, нам делать? Балленкоа никого не трогает. Никто на него не жалуется. Никто из девочек-подростков у нас не пропадал. А эта Лорен Лоутон каждую неделю донимала меня вопросами. Почему мы не делаем этого? Почему мы не можем того?

Вдруг лицо Нери напряглось. Видно было, что в его голове зародилась новая мысль.

– Последнее время она здесь не показывалась. Что с ней? Она, случаем, не умерла?

– Она переехала в Оук-Кнолл, – сказал Мендес.

Нери истерически расхохотался и шлепнул ладонью по столу.

– Блин! Сочувствую вам, ребята!

Мендес нахмурился. Не то чтобы он не видел, какой психованной может быть Лорен Лоутон, но, учитывая все обстоятельства, детектив понимал, что мать просто ищет свою пропавшую дочь. Она имеет право быть докучливой. Кажется, никто этого не понимает. Скорее всего, люди склонны терпеть материнское горе лишь некоторое время, а потом начинают думать, что ей следует отказаться от поисков и отступиться.

То же самое с Таннер и этим идиотом.

– Балленкоа до сих пор живет в Сан-Луисе? – несколько резковато спросил он у Нери.

Тот, даже не взглянув на него, буркнул:

– Да.

– Точно?

– Последний раз, когда мы к нему заезжали, он был на месте.

– А давно это было?

– Я, кажется, говорил, что последнее время миссис Лоутон нам не докучала.

– В вашем городе живет потенциальный похититель детей, а вы ничего не предпринимаете, если вам не звонит женщина из другого города. Так получается?

Мендес чувствовал, что начинает заводиться.

– Когда он только сюда переехал, мы очень часто к нему наведывались, – начал оправдываться Нери. – В конце концов он пригрозил, что подаст на нас в суд за немотивированное преследование. Балленкоа – свободный человек, и за два года, что он здесь, парень ничего не сделал, чтобы рискнуть изменить этот статус. Мы просто не можем донимать его без веских причин.

– Когда вы в последний раз его видели? – спросил Хикс.

Нери заерзал на стуле, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Пару месяцев назад. У него было торговое место на ярмарке искусств «Поли Ройал». Он ведь фотограф… продавал там фотографии…

– Какие фотографии?

– Не знаю, – вздохнув, нетерпеливо произнес Нери. – Природа… дома… здание миссии… Дети на пони… Кому какое дело?

Мендес заскрипел зубами. Человек, подозреваемый в педофилии, фотографирует детей, сидящих на пони. И о чем только думает этот придурок Нери?

– Когда была ярмарка?

– В апреле, – ответил Нери. – У нас тут было что-то вроде бунта. Три дня дебоширили… Говорю вам на случай, если вы не смотрите новостей… Мы арестовали более ста человек… Пострадало около сотни. Пятнадцать из них – наши люди.

– У вас были массовые беспорядки во время ярмарки искусств? – переспросил Мендес только для того, чтобы задеть самолюбие Нери.

Все в штате прикипели взглядами к экранам телевизоров, когда в городке, который в обычное время пребывал в состоянии «сонной утопии», в течение тех трех дней бушевали толпы студентов.

– Что за сумасшедший у вас тут город?

– Ну, это, в общем, не на самой ярмарке случилось… В университете Кол-Поули была Неделя открытых дверей…

– И кто-то взбунтовался именно в это время? – весело улыбаясь, принялся разыгрывать из себя тупицу Хикс.

Нери в раздражении замахал руками.

– Это ведь «Поли Ройал»… Чертов фестиваль! Несколько тысяч пьяных студентов, сотня еще более пьяных рабочих-эмигрантов, несколько дебоширов не из нашего города…

– Понятно, – сказал Мендес. – Латиносы. Мы всегда пьяные и любим дебоширить.

– Я этого не говорил! – Нери перевел взгляд на Хикса и, указав пальцем на Мендеса, спросил: – Что с ним такое?

Хикс с беспечным видом пожал плечами.

– Значит, вы видели Балленкоа в апреле, – продолжал гнуть свое Мендес, – незадолго до того, как арестовали сотню нарушителей порядка. Это было три месяца назад. И чем же вы здесь занимаетесь? Пишете по одному протоколу в день? У вас нет времени, чтобы съездить и проверить, живет потенциальный похититель детей по указанному адресу или нет?

– Я уже говорил, – угрюмо произнес Нери. – У нас нет ни людей, ни оснований для того, чтобы преследовать законопослушного гражданина, который к тому же грозится подать на нас в суд. Со времени своего переезда в Сан-Луис этот ваш Балленкоа ни разу не нарушил закон.

– Ну-ну. – Мендес поднялся со своего стула.

– У вас есть адрес, по которому он живет? – спросил Хикс.

– Сейчас посмотрю.

– Уважьте нас. Тогда мы больше не будем вам докучать, – пробурчал Мендес.

– Что вы задумали? – с явным подозрением в голосе поинтересовался Нери. – Я не хочу, чтобы вы сгоряча натворили тут дел…

– А почему бы и не натворить, – ухмыльнувшись, произнес Мендес.

Нери вскочил со своего стула. Судя по всему, у него лопнуло терпение.

– Нам просто надо задать мистеру Балленкоа пару вопросов, – примирительно сказал Хикс.

– Мы подарим ему наши визитки, – добавил Мендес. – В случае чего он будет знать, на кого подавать в суд.

– Хорошо, – согласился Нери. – Зададите свои вопросы, Мендес, а потом катите отсюда на все четыре стороны.

11

– Обязательно надо было вести себя так грубо? – спросил Хикс, когда они вернулись в машину.

– Он забил на работу, оскорбительно отзывается о матери жертвы, не перезвонил нам… и вообще… я грубый человек, – подвел итог Мендес. – Короче, отвали.

– Из двух несправедливостей одной справедливости не получится, Энтони, – без намека на раздражение произнес Хикс.

Мендес нахмурился и завел машину.

– У меня уже есть мама.

– Я просто так сказал.

– Ты у нас навигатор. Ну и веди наш корабль.

– Слушаюсь, Капитан Благородство.

– И что бы это значило?

Хикс хихикнул.

– Ничего. Просто ты не можешь не бросаться на выручку девице, попавшей в беду.

– Очень смешно. Не думал, что стоит стыдиться сочувствия к женщине, которой довелось пройти через такой кошмар.

– Возможно, ты прав, – дипломатично согласился Хикс. – Сверни направо, на Санта-Розу. Как говорит моя жена: «Повезет той девушке, которая станет твоей женой».

К глубокому сожалению матери Мендеса, этот день мог и не наступить. Его сестры все время старались познакомить Тони с хорошей латиноамериканской девушкой, но все их старания оказывались напрасными. Из всей семьи Мендесов он один до сих пор не женился. Не то чтобы Тони вообще не хотел обзаводиться семьей, но только карьера всегда была для него на первом месте…

– Учитывая все то, что говорят о миссис Лоутон, я не вижу в этом большой опасности. Ты все равно в нее не влюбишься.

– Давай сменим тему… Пожалуйста.

– Такое чувство, что у этой женщины должны быть рога и хвост… длинные зубы и по крайней мере звериные когти. Ты ничего такого не заметил? Налево, на Хигуера…

Наконец они приехали по адресу, который дал им Нери. У Мендеса волосы на голове зашевелились, когда он увидел, что дом Балленкоа находится совсем близко от средней школы Сан-Луис-Обиспо. Богатые угодья для потенциального похитителя подростков.

Дом – типичный для южной Калифорнии бунгало с верандой. Штукатурка бежевого цвета… Крыша из металлочерепицы… По обеим сторонам крыльца – кусты светло-фиолетовых бугенвиллий и оранжевых королевских стрелитций. Газон густо зарос сорняками. При взгляде на дом создавалось едва уловимое ощущение, что здесь никто не живет.

Хикс подошел к невысокому крыльцу. Мендес обогнул дом сзади и дернул ручку черного хода. Заперто. Через окно он видел небольшую кухоньку. На столах – хоть шаром покати. У раковины – пустая емкость для воды. Бьющие в окно яркие солнечные лучи освещали толстый слой пыли и странного дохлого жука, лежащего на мексиканском кафельном полу.

– Эй! Вы!

От резкого выкрика мужчина чуть не подпрыгнул. Оглянувшись, он уставился на худощавую пожилую женщину, одетую в комбинезон из джинсовой ткани. На ее голове красовалась синяя бейсболка с логотипом «Лос-Анджелес Доджерс», грива седых волос спадала на плечи. Стоя в нескольких футах от открытой веранды, женщина держала в руках палку, похожую на топорище, и делала ею небольшие круговые движения, словно это была бейс-

больная бита. Казалось, что старуха приготовилась отбить воображаемый мяч и он вот-вот полетит на открытую трибуну к зрителям.

Мендес медленно потянулся к нагрудному карману.

– Даже не думай об этом, ханыга! – замахиваясь, выпалила женщина.

У нее был явно британский акцент. Женщина подошла на несколько шагов ближе. Ее окруженный морщинами рот плотно сжался.

– Я офицер правоохранительных органов, – представился Мендес. – Я готов показать вам жетон, если вы позволите.

– Откуда я знаю, что у вас нет с собой «пушки»?

– Конечно, я вооружен, – ответил детектив, стараясь сохранять на лице невозмутимое выражение.

– Ну, показывайте, – позволила старуха. – Я не из тех, с кем можно шутки шутить. Это топорище изготовлено из гикори[9], и я знаю, как им пользоваться.

Мендес медленно распахнул свой пиджак, чтобы женщина увидела прикрепленный к поясу жетон и девятимиллиметровую «пушку» в плечевой кобуре.

Пожилая леди сразу же сникла и, глубоко вздохнув, опустила топорище.

– Блин! – вырвалось у нее. – И что вы тут вынюхиваете? Я, признаться, испугалась, когда увидела вас!

– Я тоже, мэм! А что вы здесь делаете? Живете по соседству?

– Да. Я живу в соседнем доме и являюсь членом местной добровольческой охраны, присматриваю за этим домом. Никогда не знаешь, что может случиться, если…

– Если что?

– Если рядом живет извращенец.

– Вы о Роланде Балленкоа?

– Да. Я не поверила, когда узнала, что он сюда переехал, – с отвращением в голосе произнесла пожилая женщина. – Бессовестный и наглый мерзавец! Я все о нем прочла в газетах. Я выписываю четыре газеты и читаю их от первой до последней страницы: «Лос-Анджелес таймс», «Нью-Йорк таймс», «Трибьюн» и «Санта-Барбара Ньюс-Пресс». Человек должен быть в курсе, что происходит в мире. Я знаю, что его не арестовывали, но я умею читать между строк. Он что-то сделал с этой бедной девочкой.

Из#за угла дома появился Хикс. При виде пожилой леди он остановился. Через секунду его глаза округлились.

– В доме никого нет, – сказал он.

– Он отсюда съехал, – сообщила женщина и сплюнула на землю. – Скатертью дорога! – Она перевела взгляд на Мендеса, а затем кивнула в сторону Хикса. – Он тоже полицейский?

– Да, мэм.

– Детектив Хикс, мэм, – показывая свой жетон, представился напарник Мендеса.

– Мейвис Витейкер, – ответила на его приветствие старуха. – Я живу в соседнем доме. Я – член местной добровольческой охраны.

Хикс нахмурил брови и покосился на топорище в руках пожилой леди.

Мендес спустился со ступенек.

– В почтовом ящике – ничего, не считая номера «Жильца», – сообщил Хикс.

– Он никогда не получал здесь почту, – сказала Мейвис Витейкер.

Оба мужчины перевели на нее взгляд.

– Я однажды разговаривала с женщиной, которая доставляет почту. Она симпатичная, поэтому я рассказала об извращенце сразу же после того, как он сюда переехал. Я боялась, что он может ее соблазнить, завлечь в дом и попытаться… Ну, вы понимаете… Я думала,

[9] Гикори – род североамериканского орешника.

что он получает письма хотя бы от матери, если, конечно, знает, кто его мать, но почтальонша сказала, что Балленкоа вообще ничего не получает по почте. У него наверняка другой почтовый ящик. По крайней мере, счета за коммунальные услуги куда-то приходить должны.

«Или адрес, по которому следует пересылать корреспонденцию», – подумал Мендес.

– Когда мистер Балленкоа отсюда съехал? – спросил он.

– Не знаю. В конце апреля я на шесть недель слетала домой, в Австралию. Когда я вернулась, его уже здесь не было.

– У вас есть предположения насчет того, куда он мог съехать?

– Ни малейшего. Я его знать не хотела, да и он не рвался со мной откровенничать. Как только он сюда перебрался, я без обиняков заявила, что если он будет досаждать мне, то я хорошенько врежу этим топорищем прямо по его коленным чашечкам… Мерзкий онанист…

– Что он ответил, когда вы ему это сказали? – спросил Хикс.

– Ничего. Ни слова. Он смотрел так, словно меня перед ним не было, а потом пошел по своим делам. Я росла в буше. Мой отец был шахтером. Грубые люди они, шахтеры. В детстве я встречала много таких вот людей без души, как этот мой сосед. Нельзя поворачиваться к ним спиной. Пойдешь с таким вот в кусты, и больше никто тебя живой не увидит.

– Мистер Балленкоа жил здесь один? – спросил Мендес.

– Я никого не видела входящим или выходящим из его дома – ни друга, ни подружки. Думаю, он по характеру одиночка. Я права?

– А на какой машине он ездил?

– На белом автофургоне… бледном, как молоко… без окон…

– Этот дом принадлежит ему или он его снимает? – задал вопрос Мендес.

– Снимает. Я позвонила владельцу дома и сказала все, что я об этом думаю. Какой уважающий себя человек сдаст дом педофилу? Тут ведь рукой до школы подать. Я позвонила в полицию и все им рассказала, но там мне ответили, что официально ему обвинений не предъявляли, поэтому у них связаны руки.

– У вас есть номер телефона владельца дома? – спросил Хикс.

– Карла Эддарда? Я его называю Владетельным Ничтожеством, – презрительно произнесла Мейвис Витейкер. – Пойдемте ко мне. Я дам вам номер.

Дом женщины по стилю почти не отличался от покинутого жилища Балленкоа, вот только ее дворик содержался в идеальном порядке и повсюду виднелись плоды садоводческого искусства Мейвис. Дом окружала низкая черная чугунная ограда. За ней росли кусты белоснежных айсберговых роз. Клумбы с цветами тянулись вдоль тротуаров и вокруг всего дома.

Колокольчик звякнул, когда женщина распахнула перед ними калитку. На входной двери и окнах – решетки. Что касается собственной безопасности, то миссис Витейкер не полагалась на волю случая. А если бы нарушитель попытался преодолеть первую линию обороны, то в дело вступило бы старое доброе топорище из гикори.

Дом оказался идеально чистым. В воздухе витал лимонный запах мебельной полироли. Внутреннее убранство состояло из старой мебели, украшенной вязаными салфеточками. Полочки ломились от сувениров. Диван, обитый шотландкой в стиле семидесятых, и стул, явно купленный на распродаже. Два больших полосатых кота сидели на подоконнике у распахнутого окна, греясь на солнышке.

– Он записан в адресной книге, – сказала Мейвис, подходя к маленькому письменному столу, стоявшему в столовой. – Я записала его под именем Владетельное Ничтожество. Даже имени его вслух произносить не хочу.

Пожилая женщина положила топорище на обеденный стол, затем, повернувшись к письменному столику, подняла адресную книгу, лежавшую у телефона.

– Сразу предупреждаю: он грубиян. Никакого уважения к людям, за исключением его банкира. Я его спросила: «А что, если этот извращенец заберется однажды ночью ко мне и нападет?» Этот хам ответил, что такая старая сука, как я, может только мечтать о том, чтобы на нее напал извращенец. Никаких шансов! Можете представить?

– Просто возмутительно, – заявил Хикс. – У некоторых людей совсем плохо с воспитанием.

– И не говорите, – сказала пожилая женщина, поправляя очки. – Я ответила, что он может поцеловать мою старую морщинистую попу. Короче говоря, Владетельное Ничтожество и есть Владетельное Ничтожество.

Мендес записал номер телефона и имя его владельца в блокнотик, страницы которого соединялись пластмассовой спиралью.

– Он сказал, что не его дело следить за Балленкоа. Пусть этим занимается полиция.

– А полиция здесь часто появляется? – спросил Мендес.

– Сначала они часто заезжали, но потом, когда извращенец пригрозил подать на них в суд, прекратили. Им все равно, если он убьет юную леди из средней школы или эксцентричную старую соседку. Боже упаси! Надо же, он собирался подать в суд на город! Плохо, что в наши дни у преступников больше прав, чем у законопослушных граждан.

– Но, насколько нам известно, тут мистер Балленкоа никогда не попадал в неприятности. Или у вас другие сведения? – спросил Хикс.

Старуха нахмурилась, явно раздосадованная.

– Ну… не знаю… Возможно, он и затевал что-то еще до того, как я улетела в Австралию.

– С чего вы решили?

– За неделю до моего отъезда возле его дома останавливалась незнакомая машина, – сказала Мейвис Витейкер. – Мне это не понравилось. Один день машина стояла у бордюра на противоположной стороне улицы, как раз напротив дома. Я подошла к ней и спросила у мужчины за рулем, что он здесь делает.

– И что он ответил?

– Мужчина сказал, что работает на полицию.

Мендес обменялся взглядом с напарником. Согласно тому, что рассказал им детектив Нери, местная полиция за Балленкоа не следит. По его же сведениям, Роланд Балленкоа до сих пор живет в доме по соседству с Мейвис Витейкер.

– Он показывал вам свой жетон? – спросил Хикс.

– Не жетон. Он показал мне удостоверение личности.

– И что там было написано?

– Не знаю, – призналась пожилая женщина. – У меня с собой не было очков. Я решила, что все в порядке, иначе он бы не стал показывать мне свои документы. Или я не права?

– Вы случаем не записали номер его автомобиля? – спросил Мендес.

– Конечно, записала. – Отодвинув в сторону адресную книгу, Мейвис Витейкер взялась за откидной блокнот. – Я записала номер машины, как только ее увидела. Это часть обязанностей члена добровольческой охраны. Когда появляется незнакомая машина, я сразу же записываю ее номер вот сюда…

Старуха пролистывала страницы в поисках нужной. Наверху каждой страницы мелким паучьим почерком была выведена дата. Ниже следовали записи с точным обозначением времени дня.

– А, вот! – воскликнула Мейвис и вслух прочитала автомобильный номер.

Мендес переписал его в свой блокнот.

Полицейские поблагодарили Мейвис Витейкер за ее бдительность и потраченное время, а потом вышли из дома.

– Почему Нери скрыл от нас то, что они следили за Балленкоа? – спросил Мендес, пока они шли к полицейской машине. – Я же ему все выложил…

– Если бы он знал, то обязательно сказал бы, – ответил Хикс. – Ему не понравилось, что мы считаем его полным чмом.

– Мне тоже так кажется.

Забравшись в машину, они некоторое время молча сидели, обдумывая то, что им удалось выяснить.

– Тот тип не полицейский, – заведя автомобиль, изрек Мендес. – Давай найдем телефон-автомат.

12

Краем глаза Лия видела, как ее мама заходит в кухню. Она ничего не сказала и, наклонив голову, поставила еду на стол. Сваренные вкрутую яйца… апельсиновый сок… блюдо с нарезанной ломтиками дыней…

Ее мама выглядела просто ужасно. Лия знала почему…

У нее самой глаза были красными от слез. Когда девочка проснулась сегодня утром, ей пришлось довольно долго прижимать холодную влажную ткань к векам, прежде чем спуститься вниз. Если мама делала то же самое, то ей эта процедура не очень-то помогла.

Лия помнила те времена, когда Лорен была красивой. Она могла бы стать моделью или актрисой. У нее были такие же голубые глаза и темные блестящие волосы, как у женщин в рекламе шампуня. Теперь в ее волосах серебрилась седина, в уголках глаз и рта лучились морщины, а бледная кожа казалась помятой. Когда она потянулась к чашке с кофе, ее рука задрожала.

– Мама! Сока хочешь?

– Нет, – не глядя дочери в глаза, ответила Лорен.

– Хочешь яйцо?

– Нет.

– Хочешь…

– Нет, только кофе, – отрезала мать.

Потом она прикоснулась ко лбу и прикрыла глаза.

– Извини, – прошептала она, уставившись в чашку. – Я хочу выпить кофе и съесть тост.

В животе Лии все сжалось.

– Как ты? Плохо?

– Нет, дорогая, все в порядке.

– Ты плохо выглядишь. Ты не заболела?

Мама притворилась, что не услышала ее. Женщина плеснула себе в кофе немного сливок и добавила сахар. Зажмурившись, Лорен обеими руками поднесла чашку к губам.

Лия села за стол и взяла из миски яйцо.

– Съешь лучше яйцо или еще что-нибудь. Тебе надо, – сказала она матери.

Впрочем, девочка не стала разбивать скорлупу выбранного ею яйца, а с отрешенным видом принялась катать его по тарелке.

Мама поставила чашку на стол и сунула кусок хлеба в тостер.

– Раньше ты говорила Лесли и мне, что завтрак – главная еда…

– Лия! Пожалуйста! – запальчиво вскрикнула Лорен. – Я не нуждаюсь в лекции! Мне нужен гренок.

– Ты ночью спала? – спросила Лия. – У тебя такой вид, словно ты всю ночь бодрствовала.

– Я немного заработалась.

Матери и в голову не приходило, что Лия эту ночь тоже не спала. Иногда девочке казалось, что Лорен даже не догадывается о том, что исчезновение Лесли имело для ее младшей дочери не менее трагические последствия, чем для нее самой… или для папы…

Ее родители потеряли дочь. Лия потеряла сестру. Они по крайней мере могли хоть что-нибудь делать, а вот ей вообще ничего не разрешалось. Папа участвовал во всех поисковых группах, а Лию не выпускали из дома. Мама бегала по добровольческому центру, писала и раздавала листовки, а ей, младшей дочери, ничего этого не позволялось.

Ее отправили в дом дедушки и бабушки, чтобы она не путалась под ногами. В первый месяц после исчезновения старшей сестры Лия почти не видела своих родителей. Создава-

лось впечатление, что у них одна дочь, а Лии как будто не существует. Они словно забыли о девочке, которая не нарушала правил, которую не приходилось наказывать и которая не сбежала из дома.

Мама подошла к столу с кофе и маленькой тарелочкой, на которой лежал кусочек поджаренного хлеба. Усевшись на стул, Лорен уставилась на гренок. Нет, пожалуй, есть она не станет… Или она укусит пару раз и отложит… Лия молча подвинула к ней баночку с консервированными абрикосами. Мама, кажется, не заметила этого.

– У тебя сегодня урок? – спросила Лорен.

Но в ее голосе не слышалось особой заинтересованности. Кажется, она сказала это лишь для того, чтобы заполнить тишину. Ответ ей не нужен. Возможно, она его даже слушать не станет.

Лия чувствовала себя не в своей тарелке.

– Да.

Конечно, у нее будет сегодня урок верховой езды. Каждый день, за исключением понедельника, когда конюшня закрыта, она училась дрессажу. Мама об этом превосходно знала.

– Как там Бахус?

– Замечательно.

Бахус был личным конем Лии. Когда папа погиб, его пони, выдрессированные для игры в поло, продали Грасида и дядюшке Бамперу, но Лии разрешили оставить ее коня.

Она боялась, что Бахуса рано или поздно тоже продадут. Лия знала, что ее сердце будет разбито, если она потеряет его. После смерти папы Лии казалось, что Бахус – ее единственный настоящий друг во всем белом свете. Он один принимает ее такой, какая она есть. Бахус не станет осуждать ее или требовать от нее определенных чувств и действий. Он ни за что не осудит ее, если Лия не выдержит и будет ругать Лесли за то, что старшая сестра разрушила их жизни. Она в любой момент может подойти к Бахусу, утопить лицо в его густой гриве и выплакаться. Конь будет нюхать ее волосы, дышать бархатистой теплотой в шею… Лии станет легче…

– Во сколько мне за тобой заехать? – спросила мама.

Лия вобрала в себя воздух и задержала выдох. Подходящее время. Сейчас можно попросить. Она боялась просить. Лия знала, что мама ей откажет. Нет, не надо даже пытаться, а то без скандала не обойтись. Но пока девочка сомневалась, слова, вертевшиеся на языке, суетливо вылетали наружу.

– Мама Венди на время уезжает из города. Венди побудет пока у миссис Леоне. Она пригласила меня… Анна не против. Как ты?

Мама посмотрела на нее так, словно только сейчас заметила, что рядом с ней сидит дочь.

– Что?

Боже!

Сказать «ничего» или не сказать?

Но губы девочки вновь сами собой зашевелились, и она повторила:

– Мама Венди уезжает из города.

Ее сердце забилось быстрее, а слова полились медленнее.

– Венди переночует у миссис Леоне. Она пригласила меня погостить у них. Ты мне разрешишь?

Лия сжалась, чтобы не вздрогнуть, в ожидании, что мама заорет на нее.

Но мама не заорала. Она секунду смотрела на Лию, затем опять перевела взгляд на гренок. Лорен так долго молчала, что дочь уже начала сомневаться в том, что та вообще ей ответит. Наконец мать прервала затянувшееся молчание.

– Миссис Леоне не против? – спросила женщина.

– Нет, не против.

Лия затаила дыхание. Ей никогда не разрешали ночевать у подруг. Если мама скажет «да», то тьма рассеется и двери камеры откроются.

– Я поговорю с Анной, – сказала Лорен.

Лия видела, что мама о чем-то усиленно раздумывает.

Ну же, мама, скажи «да», скажи «да», скажи «да»…

Если она умеет читать то, что происходит в голове у мамы, то сейчас Лорен строит в голове цепочку логичных доводов против того, чтобы отпустить дочь к подруге. Но на самом деле Лия не имела ни малейшего понятия, о чем думает мама, когда та на нее уставилась.

Наконец мама произнесла:

– Ладно.

Лия чуть не задохнулась. Потрясение лишило ее дара речи.

– Я заеду за тобой…

– Не надо. Сегодня на ранчо заедет Венди. Анна привезет детей. Малыши хотят посмотреть, как Венди будет кататься на лошади. Мы все поедем на машине Анны.

– Позвони мне, когда доберешься.

– Хорошо, мама.

У Лии вновь перехватило дыхание. Смириться с такой разительной переменой было непросто. Еще недавно ей вообще ничего делать не разрешалось.

Через секунду мама слабо улыбнулась, встала со своего места, подошла к дочери и, слегка обняв ее за плечи, поцеловала в макушку.

– Я рада, что у тебя появилась подруга, дорогуша, – сказала Лорен.

Потом женщина вышла из кухни, даже не прикоснувшись к гренку.

13

Женский центр Джейн Томас располагался невдалеке от центра Оук-Кнолла. Здания были построены в конце двадцатых годов. Вначале в них располагалась частная католическая школа для девочек. Школу закрыли в шестидесятые годы.

Архитектура строений была выдержана в стиле старых испанских миссий, которые усеивают калифорнийское побережье подобно драгоценным камням на нитке ожерелья. Сверкающая белизной штукатурка и красные черепичные крыши. Сводчатые коридоры и изогнутые фронтоны. Ступенчатая колокольня, возвышающаяся над толстыми стенами.

Лорен узнала женский центр по описанию мужа. При жизни Ланс был одержим миссиями. Он осмотрел все миссии в штате, некоторые по нескольку раз. Ланс часто заговаривал о том, что неплохо бы построить «фамильную резиденцию» в том же стиле. Пусть главный дом, отдельные гостевые коттеджи и мастерские располагаются вокруг огромного, поросшего деревьями внутреннего двора.

Ланс ездил в женский центр Джейн Томас, когда жил в Оук-Кнолле, и перестраивал дом Бампера и Сиси. Лорен помнила, как муж рассказывал ей о бывшей школе и пел дифирамбы в честь ее архитектуры. Красивый дизайн в глазах Ланса был подобен красивой женщине. Бампер часто подшучивал над ним, говоря, что здания для Ланса все равно что любовницы. Если он не будет настороже, то Бампер вмешается и отобьет у него его семью.

Лорен знала, что женский центр располагается в этом комплексе уже лет десять. Женщина, основавшая этот центр, время от времени выступает перед женской аудиторией в Санта-Барбаре. Лорен в достаточной степени была знакома с Джейн Томас, чтобы, увидев ее, остановиться и обменяться дежурными любезностями. Самоотверженная деятельность Джейн вызывала у нее уважение.

Центр Джейн Томас занимался помощью женщинам, которые подверглись физическому или психологическому насилию. Это было место душевного лечения и реабилитации, место, где у людей возрождалась надежда. Сюда принимали женщин с любыми жизненными проблемами.

Лорен остановила свою машину на автостоянке с торца главного здания, а затем осталась сидеть в салоне. Она думала о том, что жизнь обошлась с ней сурово. Лечение ей просто необходимо.

Надежда в ее положении представлялась Лорен красивой белой птичкой, которую не поймать. Когда-то она надеялась, что сможет это сделать, но птичка вырвалась из ее рук и улетела. Лорен устала гоняться за ней. Иногда женщине казалось, что она ухватила птицу-надежду за хвост, но та каждый раз вырывалась, оставляя в руках лишь перья.

Вытащив из сумочки пузырек с тайленолом, женщина приняла две таблетки, запив их водой «Эвиан». Уже одиннадцать часов, а ее голова после бессонной ночи, спиртного и плача навзрыд гудит, как колокол. Лорен постаралась скрыть свое состояние под слоем косметики, но понимала, что постороннему человеку видно, что она истощена и страдает похмельем. Большую часть ночи она провела, бичуя себя за слабость и глупость.

Женщина даже не посмотрела в зеркало, поскольку и так знала, что она там увидит. Надев солнцезащитные очки, Лорен выбралась из машины.

Кабинет Анны Леоне находился непосредственно в женском центре. Она спросила, как его найти, у администратора за столиком внизу. Проходя мимо кабинета Джейн Томас, женщина потупила взгляд и склонила голову. Идти пришлось довольно долго. Каблуки ее туфель звонко цокали по натертому до блеска полу из мексиканской плитки. Звук гулко отдавался под сводчатыми потолками.

Перед дверью кабинета она на мгновение замешкалась. Дверь открылась изнутри прежде, чем Лорен успела передумать.

Анна лучезарно заулыбалась, словно перед ней стояла ее давняя подруга.

– Привет, Лорен! Заходите. Мне позвонила администратор и предупредила о вашем приходе.

– Извините, что не смогла поговорить с вами по телефону, когда вы мне звонили, – сказала Анна, провожая Лорен через небольшую приемную в свой кабинет. – Меня кое-кто ждал.

– Ничего страшного, – ответила та. – Мне все равно нужно было проезжать мимо. Решила заехать. Это не трудно.

Лорен не сказала Анне, что имеет стойкое подозрение насчет того, что все это подстроено. Однако, общаясь с психологом, не стоит вести себя так, чтобы у той возникла мысль о твоей паранойе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.